5

А. XXIX Георгий Трифунович

Иванъ

И. Сергѣевскій

Рис. Бѣлоусовъ. Изд. А. Фариковъ. печ. Рашкъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

„Екатеринина Держава
И мудрыя Ея дѣла
Кого и гдѣ не удивили?“

Державинъ.

ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и картинами, рисованными

Л. А. БѢЛОУСОВЫМЪ,

изданными

А. Ѳ. ФАРИКОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ЮНОШЕСТВА.

Съ портретами и картинами рисованными
Л. А. Бѣлоусовымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

—

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 24 Августа, 1840.

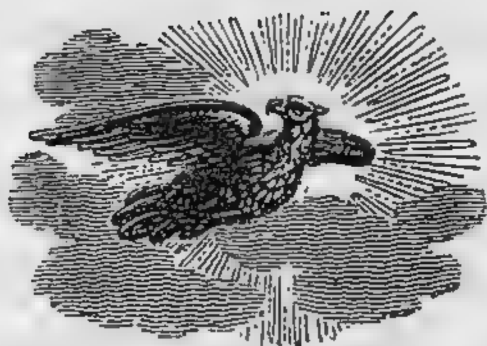
Ценсоръ *Е. Ольдекопъ.*

Въ типографіи К. Жернакова.

Историческое обозрѣніе двухъ достопамятныхъ эпохъ новой Русской исторіи, именно царствованій Императрицы Екатерины II и Императора Александра I, написано съ тою цѣлію, чтобы доставить молодымъ людямъ, уже знакомымъ съ основными началами отечественной исторіи, чтеніе поучительное и занимательное. Предѣлы учебной книги не позволяютъ входить во многія любопытныя подробности, которыми оживляется самый разсказъ. Здѣсь, напротивъ, предметъ изложенъ такъ, какъ можно было излагать его, не стѣсняясь требованіями и условіями

учебника, въ легкой литературной формѣ. Смотря по сущности разсказа, приведены мѣста изъ лучшихъ нашихъ прозаиковъ и поэтовъ.

Прагматическое развитіе причинъ и слѣдствій событій, не могло имѣть главнаго мѣста въ книгѣ, назначаемой собственно для чтенія учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ, гдѣ нужно, указано на источники и послѣдствія важнѣйшихъ происшествій.

I.

Восемнадцатый вѣкъ былъ для Россіи вѣкомъ возрожденія, началомъ могущества и славы, основою величія въ настоящемъ и залогомъ въ будущемъ. Петръ Великій.

Восемнадцатый вѣкъ Россія начала Петромъ Великимъ и кончила Екатериной II-й! Не постижимы уму человѣческому дѣянія Перваго, чудны дѣянія Второй. Что была Россія до Петра, и что изъ нее сдѣлалъ безсмертный Преобразователь?

Россія до Петра была державою обширною (266,000 кв. миль), богатою и

тучными нивами и обширными пажитями, и дремучими лѣсами, и рыболовствомъ и звѣроловствомъ, словомъ она избыточествовала всѣми житейскими потребностями. Но народоселеніе ея было малочисленно (10 милліон.), съ одной стороны отъ вѣковыхъ междоусобій удѣльныхъ и безпрерывныхъ войнъ съ Монголами, Шведами, Поляками, Литовцами; съ другой отъ естественныхъ бѣдствій и недостатка охранительныхъ мѣръ. Внутреннее устройство мало развивало силы государственныя, и немогло вознести Россію на высшую степень могущества, славы и благоденствія. Государственные доходы были весьма не значительны. Прекрасныя свойства народа не озарялись ни просвѣщеніемъ, ни образованностію; предразсудки и суевѣріе господствовали во всѣхъ сословіяхъ; невѣжество порождало многіе пороки; не было ни фабрикъ, ни заводовъ; предметы рокосши дорого

покупались за границею; торговля заключалась въ перевозкѣ грубыхъ произведеній изъ города въ городъ; народъ вообще былъ бѣденъ; города походили на деревни; общественныхъ зданій вовсе небыло. Сосѣди часто тревожили Россію. Петръ измѣнилъ все: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, сорвалъ завѣсу невѣжества, и пробудилъ исполинскія силы Россіи.

Въ 36-ти лѣтнее царствованіе безсмертнаго Монарха, Россія пріобрѣла то, что Европа получила отъ Крестовыхъ походовъ, отъ великихъ изобрѣтеній, отъ важныхъ открытій. Петръ создалъ ей то войско, съ которымъ онъ завоевалъ берега балтійскаго моря, которое Суворовъ водилъ на Альпы, съ которымъ Александръ Благословенный былъ въ Парижѣ, Дибичь, по слѣдамъ Румянцова, перешелъ Балканы, Паскевичь потрясъ Персію и смирилъ кич-

ливую Варшаву. Петръ далъ флотъ Россіи, котораго флагъ развѣвается нынѣ на всѣхъ моряхъ. Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, Коллегіи (нынѣ Министерства) учреждены Петромъ же. А фабрики, заводы, развѣ не снабжаютъ насъ тѣмъ, за что нѣкогда такъ дорого платили наши предки Европейцамъ. А нашему просвѣщенію развѣ неудивляется Европа? Отъ чего же такъ быстро Россія шагнула впередъ? Отъ того, что это было дѣломъ безсмертнаго Петра. Одинъ изъ нашихъ историковъ (*) говоритъ объ немъ: «Петръ смотрѣлъ на Россію, «какъ на свою Царицу, олицетворилъ «ее Кесаремъ Ромодановскимъ, сталъ «передъ нею на ряду съ подданными, и «служилъ ей вѣрою и правдою, прохо- «дя всѣ степени службы, отъ барабан-

(*) Устряловъ.

«щика до генерала. Онъ незналъ иной «славы, кромѣ славы Россіи: для Россіи «онъ работалъ съ топоромъ въ рукѣ на «Зандамской верфи, готовъ былъ неод-«нократно принести и самаго себя въ «жертву, никогда неизмѣнялъ тому, что «говорилъ на поляхъ полтавскихъ, сре-«ди боеваго огня, осыпаемый градомъ «пуль: Петру жизнь его недорога, толь-«ко бы жила Россія въ блаженствѣ и «славѣ!»

Само Провидѣніе указало Петру тяжкій путь борьбы съ страшными доселѣ врагами Россіи, и съ неодолимыми силами вѣковыхъ предразсудковъ народа. Онъ невредимо прошелъ сквозь тысячи копій стрѣльцовъ, мимо властолюбивой Софіи, подъ градомъ шведскихъ пуль, безстрашно носился на утломъ челнокѣ по бурному нѣмецкому морю, готовъ былъ умереть на Прутѣ, чтобы только не быть побѣжденнымъ, и стоя уже на

краю гроба, думалъ побороть самую смерть. Едва онъ хотѣлъ сказать послѣднее слово: кому изъ преемниковъ доканчивать его великое творенiе, какъ смертное изнеможенiе отняло у него тѣлесныя силы, и роковое слово Великаго «*оставляю все....*» замерло на его устахъ. Но судьбы Всевышняго неисповѣдимы!

Россiя послѣ Петра.

Нестало на землѣ Петра, но духъ его не умиралъ, и все еще носился надъ Россiею, берегъ, лелѣялъ ее и напутствовалъ благодатiю. Россiя послѣ Петра осталась устроенною внутри и сильною извнѣ. Европа уже не чуждалась ея, не считала за державу азiятскую, но боязливо измѣряла ея мощныя силы, искала съ ней тѣснаго союза при Екатеринѣ I-й, не спорила, что Анна Iоановна, для пользы Россiи, воцаряетъ въ Польшѣ Августа III-го и свергаетъ съ Польскаго престола Станисла-

ва Лещинскаго, покровительствуемаго Франціею. Съ изумленіемъ смотрѣли Европейцы на побѣды Миниха въ Турціи и на появленіе русскихъ войскъ на Рейнѣ. Когда въ Европѣ горѣла семилѣтняя война, отъ участія въ ней Елисаветы Петровны зависѣла судьба Фридриха II, и спасеніе Маріи Терезіи.

Такъ прошло около полвѣка новой жизни Россіи, но твореніе Петра не было окончено, и вторая половина XVIII вѣка ждала подобнаго Великому....

Императрица Елисавета Петровна осталась навсегда въ безбрачномъ состояніи, и заботясь о благѣ государства, ввѣреннаго ей Промысломъ Всемогущаго, еще въ 1742 году до коронованія, вызвала въ С. Петербургъ четырнадцатилѣтняго племянника своего Герцога Шлезвигъ-голштинскаго Карла, Петра, Ульриха, сына державной

сестры своей Анны Петровны. Юный Герцогъ, нареченный при святомъ крещеніи, по обряду грекороссійской церкви, и при святомъ мѵропомазаніи, Петромъ Θеодоровичемъ, Высочайшимъ манифестомъ объявленъ Великимъ Княземъ и наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола. Чтобы прочнѣе утвердить престолъ Царскимъ потомствомъ, Императрица вознамѣрилась сочетать бракомъ Великаго Князя, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія.

Екатерина. Выборъ невѣсты палъ на пятнадцати лѣтнюю Принцесу Августу, Софію, Фридерику, дочь Христіана Августа, Князя Ангальтъ-цербтскаго, и супруги его Іоанны, Елисаветы, урожденной Герцогини голштинской. Невѣста Великаго Князя получила прекрасное воспитаніе подъ надзоромъ свѣтлѣйшей бабки своей, Княгини Эйтенской, которая лелѣя тѣлесную красоту внучки, усвоила ду-

шѣ ея прекраснѣйшія свойства человѣческія: преданность къ вѣрѣ, любовь къ ближнему, благотворительность, скромность, великодушіе и неустрашимость во всѣхъ обстоятельствсхъ жизни, словомъ всѣ лучшія украшенія человѣка. Не напрасны были старанія Княгини Эйтенской. Достойная ея внучка, на долголѣтнемъ пути царственной своей жизни, показала до какой степени можетъ быть совершенъ человѣкъ. Екатерина II была дѣйствительно лучшимъ украшеніемъ человѣчества.

Въ началѣ 1744 года, Княгиня Іоанна, мать избранной невѣсты Наслѣдника, прибыла съ очаровательною, по красотѣ и сердцу, дочерью въ Москву, гдѣ тогда находилась Императрица съ Дворомъ своимъ, по случаю коронованія. Ученнѣйшіе изъ духовныхъ саповниковъ давали пастырскія наставленія въ правилахъ грекороссійской церкви юной

Принцессѣ, потому что она была лютеранскаго исповѣданія, и наставленія ихъ глубоко врѣзались въ сердце той, которая готовилась перемѣнить вѣру отцевъ своихъ. Вѣра была всегда неизмѣнною спутницею Императрицы Екатерины II. Къ ней она прибѣгала въ несчастіяхъ и находила сладчайшія утѣшенія; ее возблагодаряла въ дни счастія, и въ ней видѣла залогъ, надежду будущаго, вѣчнаго блаженства.

Пріуготовленная достойнымъ образомъ къ великому Христіанскому подвигу, юная Принцесса была окрещена и названа Екатериною Алексѣевною. На другой день сего священнаго обряда, праздновано обрученіе Высокихъ жениха и невѣсты, а въ слѣдующемъ 1745 году совершено ихъ бракосочетаніе.

Юные супруги, подъ кровомъ материнской попечительности Императрицы

Елисаветы Петровны, благословляли судьбу, приведшую ихъ въ новое отечество.

Прелесть лица, очаровательная улыбка, стройность стана, блиставшая во взорахъ острота ума Екатерины, плѣняли всѣхъ и каждаго. При Дворѣ безпрестанно давались торжества, забавы; но великолѣпіе неизумляло перешедшую отъ скромныхъ обычаевъ и простоты прежней жизни. Екатерина въ пышныхъ собраніяхъ, разсуждая съ вельможами, съ иностранными министрами о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, въ тоже время наслаждалась утѣхами молодости. Однажды прусскій посланникъ Марфельдъ спросилъ Цесаревну: какъ проводитъ она время? Танцую, пою, веселюсь, какъ видите, отвѣчала Екатерина. «Нѣтъ сказалъ онъ, это Васъ «недостойно; смѣю Васъ увѣрить, что «Вы не къ тому рождены; Вы даже

«не замѣчаете тѣхъ высокихъ даро-
«ваній, какими такъ щедро наградила
«Васъ природа. Начните читать книги,
«но больше размышляйте сами съ со-
«бою и Вы тогда узнаете этому цѣну.»
Слова Марфельда, такъ глубоко пали
въ сердце Екатерины, что съ тѣхъ поръ
страсть къ чтенію совершенно Ею овла-
дѣла. Она перечитала всѣ наши свя-
щенныя книги, все что относится до
исторіи, политики, нравственности, и
такимъ образомъ обогатила себя мно-
госторонными познаніями. Марфельдъ,
удивленный обширнымъ познаніемъ Це-
саревны, однажды сказалъ ей: Вы« бу-
дете царстовать или я глупецъ?» Для
счатія молодыхъ супруговъ не доставало
дѣтей; Богъ довершилъ ихъ счастіе.
Въ 1745 году Сентября 20, родился
Павелъ Петровичъ, родитель нынѣ досто
славно царствующаго праправнука Пет-
ра Великаго.

Въ 1761 году 25 Декабря, Императрица Елисавета Петровна скончалась, и наслѣдникъ ея въ манифестѣ о вступленіи своемъ на престолъ объявилъ: «что главное правило поставляетъ, владѣя Всероссійскимъ престоломъ, во всемъ «подражать, какъ Ея Величества щедротамъ и милосердію, такъ во всемъ слѣдовать стопамъ премудраго Государя, «дѣда своего, Императора Петра Великаго и тѣмъ возстановить благоденствіе «вѣрноподданныхъ сыновъ Россійскихъ.»

Императоръ Петръ III началъ оправдывать свои слова на самомъ дѣлѣ, но Провидѣніе слишкомъ мало продлило его жизнь.

Въ 1762 году, 28 Іюня вступила на престолъ Екатерина II. Возлагая на себя корону Мономаха, Монархиня высказала всѣ высокіе помыслы, всѣ свои чувствованія передъ великою семьею Рус- Вступленіе на престолъ Екатерины.

скаго народа. Во всѣ концы обширной Россіи, разнеслись слова ея манифеста: «не снисканіе высокаго имени облада-«тельницы Россіи, не пріобрѣтеніе со-«сокровищъ, которыми паче всѣхъ зем-«ныхъ Намъ можно обогатиться, не власт-«толюбіе, не иная какая корысть, но «истинная любовь къ отечеству и всего «народа желаніе, понудило Насъ при-«нять бремя правленія.»

Коронованіе. Въ концѣ Августа того же года, Императрица отправилась изъ С. Петербурга въ Москву, гдѣ искони коронуются наши Цари. 22 Сентября совершился обрядъ священнаго коронованія, украшенный великолѣпнымъ торжествомъ и щедрымъ изліяніемъ милостей. Государыня провела всю зиму въ Москвѣ, которая тогда съ своими торжествами походила на пышный Римъ, въ давно-былыя времена его величія. Шумныя веселія не умолкали, особенно на масляницѣ. Цѣ-

лую недѣлю по всѣмъ улицамъ столицы катался маскерадъ. Сумароковъ сочинялъ пѣсни и хоры; Волковъ ставилъ театральныя зрѣлища. Изображенie баснословныхъ боговъ чрезвычайно занимало народъ. На высокой колесницѣ изображался Парнасъ съ Аполлономъ и и Музами. Марсъ сидѣлъ съ героями въ полныхъ доспѣхахъ; Паллада въ шлемѣ со щитомъ, и копьемъ; у ногъ ея сова съ математическими инструментами; веселый Бахусъ съ Силеномъ и Вакханками; подъ балдахиномъ Сатиры и Фавны плясали и вертѣлись; гиганты, богатыри, 250 колесницъ и четыре тысячи человѣкъ довершали это удивительное празднество. Потѣхами распоряжались придворные актеры; въ разныхъ мѣстахъ гремѣла музыка роговая, духовая, инструментальная; пѣсни не умолкали за полночь.

Столь пышное торжество было, такъ сказать, предвѣстникомъ великолѣпнаго царствованія Екатерины.

Съ 1762 года, какъ будто воскресъ Петръ Великій. Россія еще болѣе прежняго возвеличилась извнѣ, порядокъ внутренняго управленія улучшился; промышленность оживилась, просвѣщеніе быстро пошло впередъ. Все это было дѣломъ Екатерины и сподвижниковъ ея блистательнаго царствованія. Достойная преемница великаго Монарха, умѣла искусно пользоваться благопріятными обстоятельствами времени, лучше всѣхъ современныхъ Государей постигала настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ, знала силу Россіи, слабость сосѣдей, чувствовала нужды народа.

Два періода царствованія Екатерины.

Тридцати четырехъ лѣтнее царствованіе Екатерины II, такъ обильно событіями, что однимъ разомъ ихъ обнять

не возможно; оно представляетъ два періода. Въ двадцати четерыхъ лѣтнемъ первомъ періодѣ (1762—1787) Екатерина улучшила внутреннее управленіе, смирила буйство Польши и кичливость Турціи. Во II періодѣ (1787—1796) предѣлы Россіи раздвинулись до береговъ Чернаго моря. Турція, Швеція, Персія, подчинены были вліянію Россіи, а Польша уничтожена, какъ самостоятельное государство; внутреннее устройство получило еще большее развитіе.

—

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

(1762 — 1787).

При вступленіи Екатерины на престолъ, многіе ожидали рѣшенія вопроса: что предприметъ Императрица? будетъ ли помогать Фридриху II въ вой- Начало царствованія Екатерины.

нѣ противъ Австріи, какъ желалъ другъ Прусскаго короля, Императоръ Петръ III, или заступится за Марію Терезію, которую защищала Елисавета Петровна. Захочетъ ли Екатерина воевать съ Даніею за герцогство голштинское, или прекратить войну въ самомъ ея началѣ? Императрица приняла за правило не вмѣшиваться въ чужія, для Россіи, дѣла, если нельзя было извлечь изъ нихъ существенной пользы для государства; потому уклонилась отъ участія въ семилѣтней войнѣ, и объявивъ, что не намѣрена воевать ни съ Пруссіею за Австрію, ни съ Австріею за Пруссію приказала своимъ войскамъ возвратиться въ отечество.

Встревоженный Фридрихъ II просилъ Графа Чернышева остаться съ русскими войсками хоть на три дня въ Пруссіи, чтобы тѣмъ содержать въ страхѣ Австрію. Такъ враги надѣялись на рус-

скую помощь, отъ которой зависѣли успѣхъ и не успѣхъ войны! Распря съ Даніею за Шлезвигъ и Голштинію была прекращена уступкою датскому Королю сихъ областей, въ замѣнъ которыхъ младшая линія голштейнъ-готорпскаго дома уступила графство Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Мирное положеніе Россіи для Императрицы было тѣмъ необходимо, что она должна была заботиться объ устройствѣ блага Русскаго народа; надобно было улучшить законы, смягчить нравы, развить промышленность, и дать движеніе умственнымъ силамъ. Екатерина спѣшила обновить то, что устарѣло, дополнить чего не доставало и уничтожить лишнее, замѣнивъ его необходимымъ. Съ такою высокою цѣлію начала Императрица свою царственную дѣятельность, которая сопровождала ее до конца жизни.

Сначала разсмотримъ внѣшнія дѣла Екатерины, а потомъ перейдемъ къ изображенію внутреннихъ учрежденій.

—

II.

Мысль Петра Великаго поставить Россію на степень преобладающей державы въ восточной Европѣ, и дать настоящее мѣсто въ политической системѣ по могуществу ея силъ, эта мысль не приводилась въ исполненіе до Екатерины II, между тѣмъ, какъ слабость сосѣдей благопріятствовала ея осуществленію. Екатерина видѣла слабость Швеціи, лишившейся прибалтійскихъ земель, и совершенное ея изнеможеніе отъ необузданаго самовластія аристократовъ, раздѣлившихся на враждебныя пар-

тіи, извѣстныя подъ названіемъ *шапокъ* и *шляпъ*. Буйство аристократическихъ партій разстроило тамъ внутреннее управленіе, остановило народную дѣятельность, истощило государственную казну, ослабило нѣкогда страшныя силы сѣверныхъ героевъ.

Въ противуположной сторонѣ, столь же слабою была Турція отъ необузданности Янычаръ, рѣшавшихъ въ кровавыхъ неистовствахъ судьбу Султановъ, и отъ безпрестанныхъ войнъ съ Персіею. Не столько Швеція, сколько Турція казалась опасною державою по сосѣдству. Миръ съ Турками всегда былъ не проченъ, и явленіе новаго Султана могло сдѣлать Порту безпокойною сосѣдкою Россіи; при томъ же ненависть мусульманъ и отчужденность ихъ отъ всякихъ политическихъ связей, преграждали нашимъ торговцамъ путь изъ Чернаго въ Средиземное море, и поставля-

ли въ безжизненное положеніе благословенную климатомъ и обильную дарами природы Украйну.

Мысль о войнѣ съ Турціею была первою мыслію Екатерины. Ставучанскій герой, русской соколъ, Минихъ, старецъ, убѣленный сѣдинами, въ дряхломъ тѣлѣ сохранившій всю пылкость и отважность великой души своей, 25 лѣтъ плѣнялся мечтою разгромить Турцію, и на развалинахъ ея возстановить Христіанскую державу. Этою мечтою жилъ Минихъ среди Сибирскихъ пустынь и не разставался съ нею, когда былъ возвращенъ изъ изгнанія. Екатерина, плѣненная предложеніемъ пылкаго старца героя, готовила уже походъ на Крымъ, но дѣла Польши дали другое направленіе ея внѣшней политикѣ.

Польша. Польша, медленно изнемогала отъ ранъ, наносимыхъ ей въ теченіи 200 лѣтъ

буйствомъ сеймовъ, своевольствомъ магнатовъ неукротимыхъ фанатисмомъ и возстаніями, недовольныхъ благонамѣренностію тѣхъ королей, которые покушались утушить чудовищное безначаліе. Пышность престола и всеобщее неповиновеніе, независимость и низкое раболѣпство; законы и безначаліе; безрасудная роскошь и поразительная бѣдность; земля плодородная, а поля невоздѣланныя, вкусъ къ искуствамъ и ни одного искуства — вотъ что представляла собою Польша. Сеймъ присвоилъ себѣ верховную и законодательную власть Королей, рѣшалъ государство на миръ и на войну, возвышалъ и понижалъ налоги, издавалъ, уничтожалъ и перемѣнялъ коренныя постановленія, и если благомыслящіе люди придумывали благодѣтельныя мѣры къ устройству государственному, то какой нибудь безсмысленный депутатъ, имѣлъ право однимъ словомъ *не позволяю* раз-

рушить все, что ни опредѣлялъ голосъ благонамѣренныхъ. Магнаты присвоили себѣ почти всѣ государственныя помѣстья, жили въ нихъ съ баснословною пышностью, держали войско, строили укрѣпленные замки, воевали другъ съ другомъ, деспотствовали въ судахъ, и съ многочисленною вооруженною свитою, являлись на областныя собранія, и если крикомъ не могли рѣшить выборъ депутата, то рѣшали споръ громомъ пушекъ. На комъ же тяготѣло ярмо буйства и безначалія? На несчастной черни, на жителяхъ городовъ и смиренныхъ земледѣльцахъ, которыхъ рабская участь лишала защиты закона отъ деспотисма магнатовъ. Картина совершеннаго безначалія, со всѣми ужасами и буйствами, яркими красками обозначилась въ 30 лѣтнее царствованіе Августа III (1733 — 1763). Многіе благонамѣренные люди не могли не предвидѣть, какой конецъ должно имѣть такое по-

ложеніе дѣлъ, и хотѣли уничтожить зло, снѣдавшее Польшу, утвердивъ въ ней вмѣсто избирательнаго, монархическое, наслѣдственное правленіе, въ туземной фамиліи. Главою партіи благонамѣренныхъ были Князья Чарторижскіе, люди съ огромнымъ состояніемъ и большими связями въ государствѣ. Но для другихъ благонамѣренность Чарторижскихъ казалась замыслами честолюбія. Графъ Браницкій и Радзивилъ, равные имъ по богатству и связямъ, явились ихъ злѣйшими врагами.

Воцареніе Станислава Августа Понятовскаго.

Въ бурномъ положеніи осталась Польша по смерти Августа III (1763). Мысль имѣть короля соотечественника привела умы въ волненіе; выборъ Государя сдѣлался еще труднѣе, ибо всякой считалъ для себя доступнымъ престолъ избирательный. Тысячи сладостныхъ желаній и обольстительныхъ надеждъ питали Браницкаго, Любомир-

скаго, Радзивила и наконецъ Чарторижскихъ, домогавшихся престола не для себя, а для племянника своего Станислава Августа Понятовскаго, бывшаго въ качествѣ польскаго посланника при С. петербургскомъ Дворѣ. Станиславъ Понятовскій обладалъ многими прекрасными качествами свѣтскаго человѣка, но не имѣлъ ни свѣтлаго ума, ни твердой воли, необходимыхъ царственныхъ доблестей. Потому то Чарторижскіе надѣялись управлять племянникомъ и царствовать въ Польшѣ его именемъ. Не имѣя собственныхъ средствъ для достиженія цѣли, Чарторижскіе обратились къ покровительству Россіи, и нашли его чрезъ посредство Кайзерлинга, посланника Императрицы Екатерины II при польскомъ Дворѣ. Между тѣмъ какъ Графъ Браницкій, искавшій короны для себя, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Франціи, Варшава закипѣла шумными, воин-

ственными приготовленіями; въ столицу съѣзжались мечтатели о польской коронѣ, и каждый претендентъ тащилъ за собою многочисленную, вооруженную толпу, разыгрывать какую нибудь роль въ кровавой драмѣ ужаса и безначалія. Екатерина не могла хладнокровно смотрѣть на волненія въ Польшѣ и козни партіи Браницкаго; она повелѣла Кайзерлингу дѣйствовать согласно съ видами Чарторижскихъ, тѣмъ болѣе, что лично знала Понятовскаго, и увѣрена была въ преданности его къ Россіи. Король прусскій Фридрихъ II, согласно заключенному не за долго передъ симъ договору, также обязался содѣйствовать выбору Понятовскаго.

Россія не могла не обращать особеннаго вниманія на выборъ польскихъ королей. Давно уже престолъ Польши опредѣлялся вліяніемъ Швеціи, Франціи, Австріи и даже Турціи. Для Рос- Отношенія Россіи къ Польшѣ.

сіи было важно: кто воцаряется на польскомъ престолѣ, надежный для нее сосѣдъ и союзникъ, или находясь подъ покровительствомъ другой державы, онъ можетъ быть и врагомъ ея. Такъ два раза Петръ Великій возводилъ на польской престолъ Августа II, и постоянно держалъ вооруженную силу на Польскихъ границахъ, чтобы не дать распространиться зловреднымъ корнямъ безначальнаго и мятежнаго королевства. Императрица Анна Іоанновна дала Польшѣ въ Короли Августа III, котораго поддерживала и Елисавета Петровна. Тѣмъ необходимѣе надлежало Екатеринѣ содѣйствовать планамъ Чарторижскихъ, когда Польша пришла въ смутное положеніе. Нерѣшительныя дѣйствія Кайзерлинга, побудили Императрицу послать къ нему въ помощь молодаго, пылкаго, но умнаго и смѣлаго дипломата Князя Николая Васильевича Репнина, а для потушенія смутъ русскія войска

заняли Варшаву; прусскія въ числѣ 40,000 расположились по границамъ Польши. Партія Чарторижскихъ брала перевѣсъ рѣшительный, хотя Радзивилъ старался вооружить Литву, а Браницкій возмутить шляхетство. Прошелъ почти годъ междуцарствія и неизвѣстности; наконецъ Браницкій, выбитый изъ замка своего Бѣлостока, бѣжалъ въ Венгрію, а Радзивилъ, разбитый русскими войсками, ушелъ въ Турцію. Между тѣмъ князь Репнинъ уладилъ всѣ дѣла избирательнаго сейма, и Понятовскій былъ превозглашенъ королемъ, подъ именемъ Станислава Августа. Вся Европа признала его въ семъ достоинствѣ. Возстановленное спокойствіе продолжалось не долго.

Сначала король поссорился съ дядями, которымъ не хотѣлъ давать столько власти, сколько они того желали, и которые вооружили противъ себя маг-

натовъ своими преобразованіями, въ общемъ полезными, но не выгодными для частныхъ видовъ дворянства. Чарторижскіе думали уничтожить безсмысленное *не позволяю*. Въ тоже время возникли несогласія между Пруссію и Польшею. Но главнѣйшимъ поводомъ къ разрушительному потрясенію Польши было дѣло о *диссидентахъ*. Этимъ именемъ называли вообще несогласныхъ въ дѣлахъ вѣры т. е. послѣдователей вѣроисповѣданій грекороссійскаго, протестатскаго и лютеранскаго, жившихъ въ подвластныхъ Польшѣ земляхъ.

Дѣло о диссидентахъ.

Еще въ началѣ XIV столѣтія, судьба отторгла половину Руси юго-западной съ Смоленскомъ, Кіевомъ, Черниговымъ, Волынью и Подоліею въ жертву литовскаго Княжества, которое по люблинскому акту, въ 1569 году, соединено было съ польскимъ Королевствомъ въ одну рѣчь посполитую. Въ этомъ

актѣ, сказано было, соединяются два государства, какъ равное съ равнымъ, и чины литовскіе будутъ пользоваться всѣми правами польскихъ чиновъ. Для прочнѣйшаго утвержденія добраго согласія, въ 1573 году постановлено сохранять миръ между диссидентами. Но съ 1717 года, Поляки начали притѣснять всѣхъ не католиковъ; сеймики запрещали иновѣрцамъ строить новыя церкви, поправлять ветхія, и вскорѣ лишили ихъ права участвовать на общихъ сеймахъ, а наконецъ въ 1733 году удалили иновѣрцевъ отъ всѣхъ должностей государственныхъ и общественныхъ. Тяжко было нашимъ единовѣрцамъ подъ игомъ Польши; вопль несчастныхъ страдальцевъ за вѣру вылился въ краснорѣчивомъ словѣ, говоренномъ архіепископомъ могилевскимъ Георгіемъ Конискимъ, въ видѣ привѣтствія, при коронаціи Станислава Августа. Это знаменитое слово разнеслось по всей Евро-

пѣ, и всякой съ Христіанскимъ участіемъ вторилъ скорби несчастливцевъ.

Когда на сеймѣ, бывшемъ при коронованіи Понятовскаго, требованія иновѣрцевъ были отвергнуты, они обратились къ своему Королю, къ россійской Императрицѣ и къ прусскому государю съ мольбами облегчить ихъ страданія за вѣру. Сначала Фридрихъ II объявилъ Станиславу Августу желаніе видѣть протестанскихъ диссидентовъ уравненными въ правахъ съ католиками; вслѣдъ за тѣмъ и князь Репнинъ, отъ имени Императрицы, представилъ сильную ноту, чтобы всѣ диссиденты безъ различія получили уравненіе въ гражданскихъ и церковныхъ правахъ. Для разрѣшенія затрудненій, король собралъ новый сеймъ въ Варшавѣ (1766), на которомъ краснорѣчіе краковскаго епископа Каэтана Солтыка взволновало католиковъ, и не смотря на хода-

тайство Россіи, Англіи, Даніи, Пруссіи и Швеціи требованія диссидентовъ были снова отвергнуты. Даже самъ король объявилъ, что онъ соединяется съ народомъ для защиты и поддержанія господствующей вѣры. За это на сеймѣ обѣщали ему увеличить королевское войско, доходы и уничтожить, пресловутое *не позволяю*.

Дѣйствительно, вслѣдъ за симъ предложены были на третьемъ сеймѣ обѣщанія, данныя Станиславу Августу. Зашумѣло, забушевало панство и шляхетство; изступленный ропотъ на короля и Чарторижскихъ, стремившихся къ самовластію, быстро разлился по Польшѣ; страшное волненіе снова потрясло рѣчь посполитую. Король стоялъ между двухъ огней. Россія готова была объявить ему войну, а сеймъ низвергнуть съ престола. Вся польская Пруссія и литовское княжество покрылись

конфедераціями или вооруженными обществами шляхетства, рѣшившагося поддерживать права, въ которыхъ сеймъ рѣшительно имъ отказалъ. Такихъ конфедерацій въ разныхъ городахъ составилось до 180, и всѣ они соединились (1767) въ одну генеральную конфедерацію, имѣвшую сборищемъ городъ Радомъ, гдѣ воротившійся изъ Турціи Радзивилъ провозглашенъ былъ главою конфедератовъ. Браницкій тоже къ нимъ присоединился. Тотъ и другой отдались подъ покровительство Россіи, недовольной поведеніемъ короля, обязаннаго ей престоломъ. Ударилъ часъ кровавыхъ междоусобій. Императрица двинула въ предѣлы Польши 40,000 войска.

Станиславъ Августъ, въ страхѣ и трепетѣ, созвалъ сеймъ и обѣщалъ князю Репнину удовлетворить требованія диссидентовъ. Когда на сеймѣ снова

зашумѣли епископы Салтыкъ, Залуцкій и Красинскій, по повелѣнію короля ихъ схватили и выдали нашему правительству. Сеймъ, испуганный рѣшительностію Князя Репнина, указывавшаго магнатамъ на Русскіе штыки[1], смолкъ и въ 1768 году диссидентовъ уравняли во всѣхъ правахъ съ католиками по формальному договору. Сеймъ былъ закрытъ. Русскія войска стали возвращаться въ отечество. Казалось наступило спокойно. Но тишина предвѣщала ужасную бурю.

Не довольные рѣшеніемъ сейма, а болѣе малодушіемъ короля, составили конфедерацію въ Барѣ (въ подольской губерніи). Основатели барской конфедераціи были пулавскій епископъ Красинскій, ускользнувшій изъ рукъ князя Репнина; братъ его графъ Красинскій. Всѣ они вмѣстѣ съ барскими конфедератами, объявивъ рѣшеніе послѣд- Барская конфедерація

няго сейма не законнымъ, а короля Станислава лишеннымъ престола, вооружили до 8,000 шляхты. По примѣру барской конфедераціи, подобныя скопища образовались въ Галичѣ, въ Краковѣ, и наконецъ провозглашено было всеобщее возстаніе. Краковская конфедерація искала помощи у Турціи, Франціи и Австріи.

Король и знатнѣйшее панство снова обратились къ Россіи. Императрица повелѣла части своихъ войскъ соединиться съ королевскими, для усмиренія мятежниковъ. Не смотря на отчаянное мужество, конфедераты, безъ общей цѣли въ дѣйствіяхъ и при ничтожности своихъ средствъ, гибли отъ русскаго штыка, который гонялъ ихъ изъ замка въ замокъ, изъ лѣса въ лѣсъ; они сами своимъ отступленіемъ только навлекали опустошеніе на родину. Со взятіемъ Кракова, барская конфедерація раз-

сѣялась, и остатки ея ушли или въ Турцію, или въ Венгрію. Впрочемъ вооруженная сила еще существовала. Глава конфедератовъ Красинскій, видя невозможность достигнуть цѣли своей чрезъ агентовъ, успѣлъ упросить Францію вооружить противъ Россіи Турцію. Французскій министръ, герцогъ Шуазель, предписалъ версальскому послу въ Стамбулѣ, графу Верженю, склонить султана Мустафу III къ разрыву съ Екатериною.

—

ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

Почти три вѣка Оттоманская Порта наводила непостижимый страхъ на Европейцевъ, думавшихъ новымъ крестовымъ походомъ уничтожить враговъ **Война съ Турціею.**

Христіанства. Сломить страшныя силы турецкія, судьба предоставила—Россіи. Не Монтекукулы, не принцы Евгеніи, не Яны Собѣскіе, но Минихи, Румянцовы, Потемкины и Дибичи разгромили высокомѣрную Порту, и оставили ей одно смутное воспоминаніе о былой величавости. Въ то время, когда русскія войска гоняли мятежныхъ барскихъ конфедератовъ, Верженю интригами въ Диванѣ, успѣлъ ополчить Турцію на Россію, обѣщалъ султану уступку Подоліи и польской Украйны. Не доставало только благовиднаго повода къ этой войнѣ. Скоро онъ представился. Русскій отрядъ, преслѣдуя польскихъ конфедератовъ, перебѣжавшихъ границу Польши, бросился за ними въ татарскую слободу Балту (подольской губерніи) и сжегъ ее до тла. Кабинетъ нашъ увѣдомилъ о томъ Порту и изъявилъ готовность доставить удовлетвореніе. Но Мустафа III нехотѣлъ и слы-

шать объ удовлетвореніи; онъ объявилъ Россіи войну (1768) будто за то, что Императрица хочетъ властвовать надъ Польшею, и приказалъ заключить нашего резидента Обрѣскова въ семибашенный замокъ.

Высокомѣрная Порта ополчилась на Россію всѣми своими силами; слишкомъ 300,000 армія, подъ начальствомъ визиря, готовилась вступить въ Польшу, для изгнанія оттуда нашихъ войскъ, и потомъ идти на Кіевъ. Ханъ крымскій съ несмѣтными ордами Татаръ, долженъ былъ нахлынуть на южныя предѣлы Россіи.

Гнусное, звѣрское злодѣйство ознаменовало выступленіе свирѣпыхъ Янычаръ изъ Стамбула; предъ глазами самаго султана и визиря изступленные изверги изрубили болѣе тысячи Христіанъ. Между тѣмъ польское духовенство пропо-

вѣдывало противъ Россіи крестовый походъ, а конфедераты съ крестомъ въ одной рукѣ, обнимали другою невѣрныхъ въ знакъ союза. Какъ же готовилась Россія на столь страшную, кровавую борьбу?

Съ смиреннымъ благочестіемъ, писала Императрица убѣленному сѣдинами воину-ветерану, побѣдителю Фридриха Великаго, графу Петру Семеновичу Салтыкову: «На начинающаго Богъ! Богъ «же видѣлъ, что не я начала. Не пер«вый разъ Россіи побѣждать своихъ вра«говъ опасныхъ. Побѣждали и не въ «такихъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ «находимся; такъ и нынѣ отъ Божеска«го милосердія и храбрости Его наро«да всего добра ожидать.»

Манифестомъ 18-го Ноября 1768 года, объявлено народу о войнѣ съ Турціею.

Считаюсь /
этих т. зима
не были никог
русской истории
и англии не
было (было)
Зимой Жены

Рис: Бѣлоусовъ Изд: А. Фа[illegible]

ГРАФЪ РУМЯНЦЕВЪ ЗАДУНАЙСКІЙ.

Румянцевъ какъ перунъ, по Туркамъ разразился.

Войска наши раздѣлены были на двѣ арміи. Главная, подъ начальствомъ князя Александра Михайловича Голицына, ученика принца Евгенія Савойскаго, должна была удерживать визиря отъ вторженія въ Польшу; другая, подъ предводительствомъ графа Петра Александровича Румянцова, обороняла южныя предѣлы отъ крымскихъ Татаръ. «Дай Боже первому счастіе от-«цовское, а другому также всякое бла-«гополучіе. Еслибы я Турокъ боялась; писала Императрица къ тому же вои-ну-ветерану, то бы мой выборъ палъ «несомнѣнно на лаврами покрытаго «Фельдмаршала Салтыкова; но въ раз-«сужденіе великихъ безпокойствъ сей «войны, я разсудила отъ обремененія «поберечь лѣта сего именитаго воина, «безъ того довольно имѣющаго славы. «Я совершенно увѣрена, что на кого «бы изъ моихъ генераловъ ни палъ бы «мой выборъ, всякой будетъ, лучше со-

Князь А. М. Голицынъ и Графъ П. А. Румянцовъ.

«перника, визиря, котораго непріятель «нарядилъ.» Императрица, недовѣряя собственному знанію военныхъ дѣлъ, и желая вѣрнѣе слѣдить за ихъ ходомъ, учредила совѣтъ изъ первѣйшихъ государственныхъ сановниковъ: Генералъ-фельдмаршала графа Кирила Григорьевича Разумовскаго; Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника графа Никиты Ивановича Панина; генераловъ: графа Захара Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Панина, Вице-Канцлера князя Голицына, Генералъ-фельдцейхместера графа Григорья Григорьевича Орлова и Генералъ-прокурора, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго.

Военный совѣтъ.

Кромѣ двухъ большихъ армій, посланы отряды на Кавказъ для содѣйствія владѣльцамъ Карталиніи, Имеретіи и Мингреліи; а въ Средиземное море отправлена эскадра, подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова и Спиридова.

Турецкій походъ.

Не смотря на осеннюю слякоть, самую безпутную зиму, русскія войска потянулись къ предѣламъ Турціи и Польши, и только благодатная весна привѣтствовала нашихъ воиновъ на берегахъ Днѣстра, гдѣ 12-го апрѣля 1769 года, въ день великаго торжества Сына Божія, въ Вербное Воскресеніе, передовой корпусъ главной арміи, воздавъ хвалу Всевышнему, колѣнопреклоненный, въ теплыхъ молитвахъ просилъ да ниспошлетъ Онъ благословеніе оружію русскому, поднятому на враговъ Христіанства! Вѣра въ Бога съ любовію къ Императрицѣ была залогомъ въ побѣды надъ невѣрнымъ супостатомъ. Главная армія 15-го апрѣля переправилась чрезъ Днѣстръ, и подступила къ Хотину. Недалеко отсюда, за пятьдесятъ лѣтъ, безсмертный Петръ рѣшалъ смертью, а не плѣномъ великую судьбу свою; и здѣсь же за 30 лѣтъ предъ симъ раздавался грохотъ ставучанской битвы.

Дѣйствія князя Голицына.

Сорокатысячный турецкій корпусъ Караманъ-паши стоялъ лагеремъ подъ прикрытіемъ хотинскихъ пушекъ. Устроивъ батареи, Голицынъ стремглавъ бросился на непріятеля, подъ градомъ пуль, картечь и ядеръ, выбилъ его изъ лагеря и гнался за нимъ до самой крѣпости. Эта первая встрѣча дорого обошлась Туркамъ. Голицынъ, обложивъ Хотинъ, укрѣпленный самою природою и значительными силами непріятелей, расположившихся въ окрестностяхъ, напрасно простоялъ до 1-го августа, и переправился обратно чрезъ Днѣстръ. Такимъ образомъ съ апрѣля по августъ, наша главная армія ничего не сдѣлала, и извѣстія, получаемыя отъ Голицына, не могли удовлетворять въ полной мѣрѣ ожиданіямъ Императрицы. Она рѣшилась смѣнить его Румянцовымъ. Лестный рескриптъ Государыни долженъ былъ успокоить смятенную душу Голицына, вызваннаго

изъ арміи въ Петербургъ. Но прежде нежели онъ предсталъ съ оправданіями въ своихъ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ, сама судьба приготовила ему оправданіе. До полученія Высочайшаго рескрипта, Голицынъ, обратилъ въ бѣгство напавшаго на него визиря Молдованжи, взялъ безъ боя Хотинъ, занялъ Яссы, гдѣ и сдалъ начальство надъ арміею Румянцову, который по словамъ Карамзина, зналъ своихъ непріятелей.

Въ то время, какъ Голицынъ съ главною арміею почти полгода былъ въ бездѣйствіи, Румянцовъ съ наблюдительною или охранительною арміею перешелъ чрезъ Днѣстръ; намѣревался осадить Бендеры, укрѣпилъ Азовъ, Таганрогъ, о чемъ Императрица сама писала къ Волтеру: «что эти два драгоцѣнные «камня получили такую оправу, кото-«рая, можетъ быть, Мустафѣ непонра-«вится.»

Дѣйствія Румянцова.

Узнавъ о побѣдѣ Голицына подъ Хотинымъ, Румянцовъ переправился со ввѣренною ему арміею за Днѣпръ, чтобы симъ движеніемъ привлечь на себя вниманіе непріятеля; раздѣлить многочисленныя его силы, шедшія изъ за Дуная; но когда получилъ новое назначеніе, сдалъ свою армію князю Долгорукому, до прибытія новаго главнокомандующаго графа Петра Ивановича Панина, а самъ отправился въ Яссы.

Графъ Панинъ, по прибытіи въ армію (17-го сент.), немедленно послалъ отрядъ войскъ къ Бендерамъ, чтобы воспрепятствовать разсѣянному непріятелю соединиться на этомъ пунктѣ, и чтобъ удержать тамошній гарнизонъ отъ нападенія на полки, которые отправилъ Голицынъ въ Молдавію, для сообщенія первой арміи со второю. Побѣда подъ Бендерами надъ турецко-

Молдавія и Валахія.

татарскимъ гарнизономъ заключила компанію 1769 года.

Отдѣльные отряды, охраняя предѣлы Россіи отъ набѣговъ кубанскихъ, кабардинскихъ, горскихъ татаръ, заставили многихъ владѣльцовъ вступить въ подданство Императрицы.

Компанія 1770 года началась счастливо. Депутаты господарей Молдавскаго и Валахскаго явились въ главную квартиру Румянцова, (7-го ян.) отъ перваго съ увѣреніями въ непоколебимой вѣрности къ престолу Всероссійскому; отъ втораго съ изъявленіемъ готовности вступить въ подданство Россіи. Потеря Молдавіи была громовымъ ударомъ для Порты; Валахія едва за нею держалась. Хотя султанъ и назначилъ новаго господаря въ Валахію, подкрѣпивъ его 20,000 корпусомъ, но взятіе приступомъ Журжи (4-го февр.) повлекло

за собою неизбѣжное занятіе Бухареста. Планъ компаніи 1770 года состоялъ въ томъ, что Румянцовъ дѣйствовалъ наступательно за Днѣстромъ, и прикрывался осадою Бендеръ, которую велъ графъ Панинъ; генералъ Прозоровскій обезпечивалъ Панина со стороны Очакова; Бергъ оборонялся со стороны Крыма; Вернесъ занялъ Азовъ, а Медемъ удерживалъ кубанскую орду и горныхъ Татаръ. Русскій флотъ отвлекалъ турецкій отъ Чернаго моря.

Компанія 1770 года.

Въ первыхъ числахъ мая, главная армія выступила изъ зимнихъ квартиръ. Двинувшись изъ подъ Хотина, она замѣтила, что непріятель въ большомъ числѣ расположась лагеремъ близь Рябой могилы, намѣревается перейти чрезъ Прутъ и вторгнуться въ Молдавію. Одно приближеніе передовыхъ нашихъ войскъ обратило въ бѣгство Татаръ изъ подъ Рябой могилы къ рѣч-

къ Ларгѣ. Здѣсь до 80,000 Турокъ и Татаръ заняли приръчныя высоты. Румянцовъ имѣлъ только 17,000 человѣкъ; но несоразмѣрность силъ неустрашила его. Онъ самъ говорилъ: «что не могъ «видѣть непріятеля, не наступая на него.» Съ вечера на 7-е іюля, главнокомандующій послалъ для переправы черезъ Ларгу генерала Племянникова для нападенія на середину, а Баура и Репнина въ обходъ лѣваго крыла непріятельской арміи; самъ же подкрѣплялъ наступающихъ резервами. Испуганный непріятель открылъ изо всѣхъ орудій сильную пушечную пальбу. Не давъ опомниться врагамъ, Румянцовъ атаковалъ непріятельскій лагерь и дружно ударилъ своими карреями(*) на укрѣп-

*) Въ прежнихъ противъ Турокъ войнахъ, знаменитые полководцы Монтекукули, Принцъ Евгеній Савойскій, Миннхъ всегда прикрывали фронтъ арміи рогатками отъ нападенія турецкой конницы «Не рогатки говорилъ Румянцовъ, своимъ солдатамъ, а огнь и мечь защита ваша!»

ленія. Двѣнадцать часовъ кипѣлъ кровавый бой, и разбитый непріятель бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ двумя дорогами до рѣки Кагула. Здѣсь довершилась побѣда Румянцова. Императрица за Ларгскую битву наградила его Георгіевскимъ крестомъ 1-й степени.

20-го іюля въ несмѣтной силѣ показались непріятели на Кагулѣ. Отъ плѣннаго Татарина узнали, что впереди нашихъ войскъ стоитъ верховный визирь, Галиль Бей, съ 150,000 Турокъ, и что Ханъ крымскій со 100,000 Татаръ готовится зайти въ тылъ нашей арміи, и такимъ образомъ, поставивъ ее между двухъ огней, истребить совершенно. Сколько же было войскъ у Румянцова? Тѣже 17,000 человѣкъ, закаленныхъ мужествомъ и храбростію въ Ларгскойбитвѣ. «Величкость духа надобно было, чтобъ выйти только изъ сихъ

трудностей, а не только думать о побѣдѣ.» Дѣйствительно, пораженіе нашей арміи казалось неизбѣжнымъ.

На разсвѣтѣ 21-го іюля, Румянцовъ, раздѣливъ армію на пять карреевъ, поставилъ ихъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы крестообразнымъ огнемъ, удерживая турецкую конницу, защитить собственную кавалерію, ставшую въ промежуткахъ карреевъ. Генералу Бауру велѣно было напасть на лѣвое крыло непріятеля, князю Репнину и графу Брюсу обойти правое; Племянникову и Олицу ударить въ центръ. Румянцовъ шелъ впереди. Карреи двинулись.

Залпъ нашей артиллеріи всполошилъ Турокъ; сначала изумленные они вскорѣ оправились и черными тучами грянули со всѣхъ сторонъ на карре Племянникова, и смяли его; правое крыло наше

поколебалось; три полка были изрублены янычарами, другіе отступили. Румянцовъ бросился въ огонь, увидѣлъ смятеніе въ рядахъ своихъ и однимъ словомъ: «Стой ребята!» остановилъ бѣгущихъ. Подъ личнымъ начальствомъ его, ободренные полки ударили въ штыки на янычаръ, взлетѣли на укрѣпленія, ворвались въ лагерь и такъ смутили визиря, что онъ спѣшилъ переправиться чрезъ Дунай. Крымскій Ханъ, уже зашедшій нашей арміи въ тылъ, также бросился бѣжать, и скрылся въ Очаковѣ. Весь турецкій лагерь, сто сорокъ орудій со всѣми артилерійскими принадлежностями, 60 знаменъ, множество провіанта, и сорокъ тысячь убитыхъ были трофеями Румянцова.

Тысячи Турокъ погибли въ Дунаѣ во время суматохи, поднявшейся при переправѣ. Пройдутъ вѣка, и потомство едва ли повѣритъ справедливости разска-

за современника о кагульской побѣдѣ Румянцова; оно станетъ говорить, что это сказаніе баснословное, украшенное цвѣтами вымысла, и великая быль покажется не сбыточнымъ дѣломъ.

Донося Императрицѣ о побѣдѣ при Кагулѣ, Румянцовъ отзывался о Туркахъ: «что персонально нельзя быть «храбрѣе воину, какъ ихъ всадники и «пѣхотинцы.»

Слѣдствіемъ кагульской битвы было и то, что Репнинъ овладѣлъ Измаиломъ и Киліею; Глѣбовъ взялъ Браиловъ; а Илгельстромъ Аккерманъ. Бухарестъ и крѣпость Сальчи сдались безъ выстрѣла. Такимъ образомъ къ концу 1770 года, главная армія, писалъ Румянцовъ, «безъ устали полонила города» заняла лѣвый берегъ Дуная, и обезпечила зимнія квартиры свои въ Молдавіи и Валахіи.

Послѣ кагульскаго сраженія, Ханъ крымскій просилъ Румянцова пропустить его въ Крымъ, и объявилъ, что въ противномъ случаѣ, имѣя 100, 000 человѣкъ будетъ защищаться до послѣдней крайности. Фельдмаршалъ ему отказалъ; но графъ Панинъ ошибкою пропустилъ его. Слѣдующій 1771 годъ употребленъ былъ на завоеваніе Крыма.

Осада Бендеръ.

Въ заключеніе скажемъ, что 15 іюня 1770 года, Панинъ обложилъ Бендеры, защищаемые сильнымъ гарнизономъ и неприступными твердынями, и послѣ двухмѣсячной трудной осады, крѣпость съ одинадцати тысячнымъ гарнизономъ, съ 240 пушками, сдалась. Панинъ получилъ Георгія 1-й степени. Послѣ сего тяжкая, мучительная болѣзнь принудила графа просить отставки, и на мѣсто его назначенъ главнокомандующимъ князь Долгорукій.

Современно войнѣ на сушѣ происходила война на морѣ. Побѣды, тамъ и здѣсь, шли въ уровень, не перегоняя одна другой. Дѣйствія русскаго флота.

Въ 1769 году, въ Кроншдтатѣ снялся съ якорей нашъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Спиридова и контръ-адмирала Эльфистона; но не ранѣе начала 1770 года, эскадра прибыла въ Порто-Витело. Обитатели Мореи и островъ архипелагскихъ составили ополченіе, раздѣленное на два корпуса: восточный и сѣверный — спартанскій, къ которымъ присоединились наши десантныя войска. Скоро занята была Аркадія и пламя войны охватило Морею. За тѣмъ заняты были Карана, Наваринъ, Мадона и Патросъ. Эскадры Спиридова и Эльфистона соединились, когда прибылъ изъ Италіи, отправленный сюда сухимъ путемъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ съ братомъ своимъ Ѳедоромъ

Григорьевичемъ на двухъ корабляхъ, и принялъ начальство надъ всѣмъ флотомъ. 16 линейныхъ турецкихъ кораблей бросили якорь въ проливѣ, примкнувъ за островомъ Хіо, лѣвымъ крыломъ къ острову, а правымъ къ отмѣлямъ. Они стояли въ видѣ полумѣсяца, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей.

Съ восходомъ солнца, 24 Іюня, по сигналу съ корабля трехъ Іерарховъ, двинулся Орловъ на непріятеля.

Два корабля «Евстафій» и «Европа» ворвались въ ряды турецкихъ; завязался бой, и оба флота подошли другъ къ другу на ружейный выстрѣлъ. Корабль «Евстафій», сражавшійся одинъ противъ трехъ турецкихъ линейныхъ кораблей и шлюпа, сцѣпился съ 90 пушечнымъ кораблемъ Капитанъ-Паши. Мгновенно охватившее его пламя угрожало погибелью и кораблю Спиридова.

«Спасайся кто можетъ» закричалъ адмиралъ.

Девяносто человѣкъ экипажа сѣли въ шлюпки, съ ними Спиридовъ и Ѳедоръ Орловъ. Едва они отошли на пистолетный выстрѣлъ, оба корабля взлетѣли на воздухъ, и этотъ взрывъ до того оглушилъ Турокъ, что они обрубили якорные каната, и пользуясь попутнымъ вѣтромъ, такъ быстро ушли въ портъ Чесменской крѣпости, что догнать ихъ не было возможности. Однако Орловъ цѣпью четырехъ своихъ кораблей заперъ чесменскую гавань, слѣдовательно и турецкой флотъ.

Чесменскій бой.

25 іюня, съ закатомъ солнца, Турки залпомъ изъ всѣхъ орудій осыпали ядрами и гранатами наши корабли. Мы отплатили имъ тѣмъ же. Орловъ посылалъ «*Нетронь меня*», подъ командою капитана Ильина, врѣзаться въ средину

непріятельскаго флота; Ильинъ сѣлъ на одинъ изъ шедшихъ за нимъ брандеровъ, подошелъ къ 84 пушечному непріятельскому кораблю, сцѣпился съ нимъ, скомандовалъ своему экипажу спускаться на шлюбку, самъ зажегъ фитиль брандера передъ глазами Турокъ, и сойдя въ шлюпку, поплылъ обратно къ «*Не тронь меня.*» Въ минуту запылали одинъ за другими оставленные брандеры, залпъ съ нашего флота обдалъ громомъ и молніею весь турецкій флотъ. Огненное небо нависло надъ Чесмою. Громъ пушекъ, гулъ ядеръ, взрывъ турецкихъ кораблей, трескъ ломавшихся снастей, отчаянные вопли 20 тысячь невѣрныхъ надъ бездной моря—отликовали побѣду Орлова.

Чесменскій бой открылъ дорогу къ завоеванію всего Архипелага. Острова Тенедосъ, Лемносъ, Мителена, Паросъ, Фосъ, Самондрахи, Тано, Порто Новело

были заняты нашими, и чесменскій герой говорилъ »что Русскіе не воевали, «а пировали въ Архипелагѣ!»

Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ щедро взысканъ былъ милостями Императрицы: она пожаловала ему Георгія 1 степени и прозваніе Чесменскаго. Такъ кончилась кампанія 1770 года, начавшаяся подъ счастливыми предзнаменованіями на сушѣ и на морѣ.

По расположеніи главной арміи въ 1770 году на зимнихъ квартирахъ въ Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, главнокомандующій поручилъ генералу Вейсману охранять дунайскій берегъ отъ Прута до Чернаго моря. Къ концу 1771 года, послѣ покоренія многихъ крѣпостей, оба берега Дуная были заняты нашими войсками.

Между тѣмъ, отдѣльныя части второй арміи, соединенныя вмѣстѣ, со-

ставили до 30,000 человѣкъ. Новый главнокомандующій, князь Долгорукій внесъ войну въ самый Крымъ. Сначала недоступные перекопы, потомъ Керчь, Эниколе, Кафа, а наконецъ и весь полуостровъ были покорены Долгорукимъ не болѣе какъ въ двѣ недѣли. Крымцы по неволѣ сдѣлались нашими союзниками. Русскому флоту открылась свободная дорога въ Черное море; Орловъ заперъ Дарданелы и занялъ острова архипелага. Побѣды генерала Тотлебена на Кавказѣ довершили отчаяніе Порты. Спасеніе ея зависѣло отъ мира, котораго какъ ни желали, по ходу обстоятельствъ, обѣ воюющія державы, но несогласія завязали войну на слѣдующіе годы.

—

IV.

Слѣдствія побѣдъ Румянцова, Панина, Орлова и Долгорукаго были весьма важны. Крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, большею частію, сдались нашимъ войскамъ; Татары буджакскіе объявили себя независимыми отъ Турціи; Татары крымскіе отложились отъ нея и признали надъ собою покровительство Россіи; народы греческіе и славянскіе, подвластные Порты возстали въ надеждѣ свергнуть съ себя тягостное для нихъ ярмо. Русскій флагъ развѣвался на водахъ Архипелага. Египетскій паша, Али-Бей, возмутился противъ султана. Австрія, устрашенная успѣхами нашего оружія, предложила, чрезъ Пруссію, свое посредничество для примиренія. Фридрихъ II не зналъ, что дѣлать въ этомъ слу- Слѣдствія побѣдъ.

чаѣ. Съ одной стороны ему необходимо было существованіе Турціи для равновѣсія на Востокѣ, съ другой стороны, онъ дорожилъ дружественными связями съ Россіею, чувствовалъ ея силу, а потому скромно объявилъ Императрицѣ, что султанъ желаетъ примириться. Екатерина желала мира, о чемъ писала къ Вольтеру, «не потому, чтобы видѣла недостатокъ въ способахъ къ продолженію войны, а потому что кровопролитіе несообразно съ Моими чувствованіями.» Но она нехотѣла ни чьего посредничества; сама повелѣла Румянцову вступить въ переговоры съ турецкими уполномоченными, и увѣдомила Австрію и Пруссію, что требуетъ отъ Турціи независимисти Татаръ, свободнаго плаванія русскимъ кораблямъ по Черному и Егейскому морямъ и присоединенія Молдавіи и Валахіи къ Россіи, въ вознагражденіе за военные убытки.

Проэктъ о первомъ раздѣленіи Польши.

Первенствующій министръ Австріи, князь Кауницъ-Ритбергъ, такъ испугался послѣдняго требованія Екатерины, что заставилъ Марію Терезію заключить оборонительный союзъ съ Турціею, собрать армію въ Венгріи и пригласить Фридриха II дѣйствовать общими силами, для защиты Турціи. Но Фридрихъ II, вѣрный своему слову, объявилъ Австріи, что если она разорветъ союзъ съ Россіею, то по договору съ Екатериною, онъ присоединитъ къ ея войскамъ свою кавалерію. Казалось, вся Европа приметъ воинственный видъ. Швеція и Франція готовились къ союзу съ Австріею. Чѣмъ же могла быть отвращена предстоявшая гроза? Созданною Фридрихомъ II новою политикою: мириться врагамъ: «правильнымъ очертаніемъ границъ посредствомъ завоеванія сопредѣльныхъ земель.» Пруссія показала тому первый примѣръ въ пріобрѣтеніи Силезіи, и теперь въ

умѣ Фридриха II блеснула счастливая мысль поддержать погибающую Турцію, уладить вознагражденіе Россіи, успокоить Австрію, а для себя, за труды, округлить регулярныя формы Пруссіи. Очистительною жертвою въ этомъ случаѣ, должна была послужить Польша. Мысль о раздѣлѣ Польши такъ вскружила голову росбахскому герою, что недавала ему покоя, и привела въ движеніе всѣ пружины его кабинетной политики. Успѣхъ казался тѣмъ вѣроятнѣе, что Европа еще недавно рукоплескала Фридриху за Силезію, и считала его систему округленія, какъ верхъ политической мудрости. Между тѣмъ Польша видимо замирала въ кровавыхъ междоусобіяхъ, и всѣ усилія барскихъ конфедератовъ достигнуть своей цѣли, были напрасны. Суворовъ вездѣ поражалъ мятежниковъ; и самый Діомурье, присланный изъ Франціи предводительствовать ими, неустоялъ противъ Рус-

скаго штыка. Все это совершилось предъ глазами Фридриха II. Видя неизбѣжную погибель Польши, онъ предложилъ Кауницу, при свиданіи съ Императоромъ Іосифомъ II, отдѣлить отъ рѣчи посполитой сосѣдственныя воеводства, на основаніи давно забытыхъ притязаній. Кауницъ, живо чувствуя потерю Силезіи, принялъ предложеніе Фридриха, сообщилъ его намѣренія Маріи Терезіи, и вскорѣ австрійскія войска заняли польскую область, графство Ципсъ, подъ предлогомъ, что оно составляло нѣкогда часть венгерскаго королевства. Прусскія войска заняли воеводства кульмское, познанское, будто бы для наблюденія за тѣмъ, чтобъ мятежи Польши не имѣли вредныхъ вліяній на Пруссію. Фридрихъ II для объясненій Императрицѣ сихъ обстоятельствъ, немедленно отправилъ въ Петербургъ брата своего, принца Генриха, свѣдущаго въ тонкостяхъ полити-

ки. Слѣдовательно Австрія и Пруссія наложила руки свои на Польшу. Напрасно Станиславъ-Августъ просилъ о возвращеніи занятыхъ областей и когда ему не отвѣчали, онъ обратился съ жалобою къ Екатеринѣ, искалъ Ея защиты, противъ замысловъ честолюбивыхъ сосѣдей.

Императрица, узнавъ о поступкахъ Австріи и Пруссіи въ отношеніи Польши, мимоходомъ замѣтила принцу Генриху, что если вѣнскій Дворъ хочетъ присвоить себѣ польскія провинціи, то и другія державы могутъ послѣдовать его примѣру, а между тѣмъ повелѣла сообщить Маріи Терезіи на счетъ неблагонамѣренности поступковъ ея кабинета. Принцъ Генрихъ краснорѣчиво доказывалъ Императрицѣ необходимость раздѣла Польши между Россіею, Пруссіею и Австріею чтобы вознаградить тѣмъ первую за пожертвованія въ турецкую войну; вторую за суммы, которыя она вы-

платила по случаю сей войны, и наконецъ третью для успокоенія по случаю уступки Молдавіи и Валахіи Россіи.

Императрица отдала предположеніе о раздѣлѣ Польши на разсмотрѣніе Верховнаго Совѣта, члены котораго подтвердили необходимость предстоящаго жребія рѣчи посполитой. Тогда, по составленному Фридрихомъ II плану, раздѣлъ былъ сдѣланъ слѣдующимъ образомъ:

1) Россія пріобрѣла земли между Днѣпромъ, Западною Двиною и Дручемъ, т. е. Бѣлоруссію. 2) На долю Австріи досталась Галиція и 3) на долю Пруссіи Померанія, за исключеніемъ Данцига, и часть великой Польши до рѣки Нетцы.

Первый раздѣлъ Польши 1773.

Варшавскій сеймъ, созванный королемъ, долженъ былъ поневолѣ согласить-

ся на подтвержденіе раздѣла, и три державы поручились за неприкосновенность остальныхъ частей рѣчи посполитой, но съ условіемъ, чтобы все устройство пребывало въ прежнемъ порядкѣ, и въ особенности не трогали бы правъ диссидентовъ.

Такъ сбылось чрезъ 100 лѣтъ то, что сказалъ Янъ III Казиміръ, въ 1661 году, на варшавскомъ сеймѣ: «настанетъ время, когда Польшу, изнуренную собственными неустройствами, раздѣлятъ Брандербургія, Москва и Австрія.»

Фридрихъ II въ восторгѣ, что его система снова торжествуетъ, сказалъ: «на этотъ разъ удалось освободить Европу отъ всеобщей войны.»

Какъ онъ былъ озабоченъ доставшимся ему участкомъ, видно изъ письма его къ д'Аламберту: «мнѣ достался, пи-

салъ онъ, уголокъ земли самой безначальной, который я долженъ устроить. Я такъ озабоченъ, что желалъ бы прибѣгнуть къ какому нибудь законодателю — энциклопедисту, который бы посовѣтывалъ мнѣ ввести въ эту землю законы, внушающіе въ безумныхъ разумъ.»

Австрія и Пруссія, кончивъ съ Россіею дипломатическій расчетъ за Турецкую войну, успокоились согласіемъ Императрицы не требовать ни Молдавіи ни Валахіи, и перестали думать о вооруженномъ посредничествѣ. Переговоры съ Турціею о мирѣ открылись въ мѣстѣчкѣ Фокшанахъ.

Фокшанскій и бухарестскіе переговоры о мирѣ.

Султанъ назначилъ для переговоровъ Рейсъ Эфендія Османа-пашу; Екатерина отправила съ своей стороны генералъ фельдцейхместера графа Григорья Григорьевича Орлова, вельможу умнаго, но

пылкаго и горячаго нрава. Орловъ сперва требовалъ независимости Татаръ крымскихъ, и хотя жарко спорилъ объ этомъ предметѣ турецкій уполномоченный, однакожъ дѣло было бы улажено въ пользу предложенія Орлова, еслибъ австрійскій посолъ, баронъ Тугута, не внушилъ Портѣ, что рано или поздно независимые Татары легко могутъ добровольно подчинить себя Россіи. Начались споры, уступчивости не было ни съ той, ни съ другой стороны. Въ горячности Орловъ самовольно прервалъ переговоры, уѣхалъ изъ Фокшанъ и справедливо подпалъ гнѣву Императрицы; ему запретили въѣздъ въ столицу. Положеніе Порты заставило султана еще разъ просить переговоровъ, которые и открылись въ Бухарестѣ. Нашимъ уполномоченнымъ назначенъ былъ Обресковъ, не задолго предъ тѣмъ освобожденный изъ тяжкаго заточенія. На бухарестскомъ конгрессѣ, Обресковъ долго спорилъ о

независимости Татаръ, и кромѣ того требовалъ уступки Керчи и Еникале, равно какъ свободнаго плаванія русскихъ кораблей по Черному морю. Вмѣшательство Франціи прервало переговоры. Франція увѣряла Порту, что она снаряжаетъ для защиты ея эскадру въ Тулонѣ, и что шведскій король Густавъ III готовится къ походу въ Финляндію.

Слѣдовательно отъ фокшанскаго и бухаресткаго конгрессовъ произошла только проволочка времени; Турки отдохнувъ отъ нанесенныхъ имъ ударовъ снова собрались съ силами, наполнили крѣпости гарнизонами, усилили армію и надѣялись на помощь Франціи и войну шведскую.

Екатерина повелѣла Румянцову перенести войну за Дунай, разбить визиря, и съ оружіемъ въ рукахъ предписать султану условія мира. Фельдмаршалъ **Кампанія 1773 года.**

видѣлъ трудность исполненія желаній Государыни и писалъ къ ней: «что въ главной арміи его не болѣе 20,000 человѣкъ, изъ коихъ половина новобранцевъ, едва умѣющихъ стоять подъ ружьемъ, между тѣмъ, какъ за Дунаемъ на высотахъ балканскихъ расположился визирь съ многочисленною арміею, что вся Болгарія унизана неприступными крѣпостями.» Но священная воля Императрицы была закономъ фельдмаршалу. Онъ повиновался. 10 іюня 1773 года перешелъ Дунай, прикрывая маршъ свой фальшивыми аттаками и началъ съ Силистріи. Быстрый, усиленный походъ до того ослабилъ войско, что Румянцовъ скоро увидѣлъ невозможность отступленія, не только что пріобрѣтенія побѣдъ надъ многочисленнымъ непріятелемъ. Одна турецкая армія заслоняла дорогу къ обратной переправѣ чрезъ Дунай; визирь готовъ былъ спуститься съ горъ и смять Руских

несмѣтнымъ множествомъ силъ своихъ третья армія въ 30,000 стояла въ Силистріи. Гдѣ же былъ залогъ спасенія Румянцова? Въ его собственномъ благоразуміи, въ мужествѣ и храбрости сподвижника его изумительныхъ подвиговъ въ этой войнѣ—генерала Вейсмана. Фельдмаршалъ, рѣшившись взять приступомъ Силистрію, раздѣлилъ свою армію на три отряда: одному велѣлъ напасть на лагерь, другому на штыкахъ ворваться въ городъ, а третьему служить резервомъ, и прикрывать, въ случаѣ нужды, отступленіе первыхъ двухъ колоннъ. Какъ скоро первая и третья колонны показались, турецкая конница быстро помчалась, смяла ихъ и хотя вторая колонна овладѣла Силистріею, но видя погибель первой и третьей, оставила крѣпость, а соединившіяся колонны стали отступать къ Варнѣ. Визирь отрядилъ значительную часть своего войска въ тылъ русской арміи, на то мѣсто, гдѣ

ей слѣдовало бы переправиться чрезъ Дунай. Румянцовъ сталъ на дорогѣ къ Варнѣ, и послалъ Вейсмана съ девятью полками къ деревнѣ Кайнарджи, для прикрытія своего отступленія. Противъ Вейсмана высыпало 20,000 Турокъ, наши дрогнули, но Вейсманъ со шпагою въ рукѣ, сталъ въ передовую шеренгу и приказалъ ударить въ штыки, Турки смѣшались, побѣжали назадъ; какъ вдругъ роковая пуля, съ вѣстію о побѣдѣ, положила Вейсмана на мѣстѣ его торжества. «Симъ онъ запечатлѣлъ, сей многократный побѣдитель Турокъ на правомъ берегу Дуная, славу своихъ подвиговъ.»

Такимъ образомъ спасительное отступленіе нашей арміи, въ критическую минуту пріобрѣтено смертію Вейсмана, и Румянцовъ писалъ къ Императрицѣ: «Если бы продолжить на правомъ берегу Дуная военныя дѣйствія, то не удвоить, а утроить надо армію.»

Фельдмаршалъ просилъ подкрѣпленія, но тогдашнія обстоятельства требовали движенія нашихъ войскъ къ шведскимъ границамъ, и Императрица отвѣчала ему: «что желаніе мое есть получить миръ, но мысли мои всѣ устремлены къ войнѣ, и сіе не удивительно, ибо иной дороги не имѣю получить мое желаніе. Чистосердечно скажу, исполненіе его ожидала я отъ васъ въ нынѣшней кампаніи, но возвращеніе ваше (съ праваго берега Дуная) лишаетъ меня и сей надежды.»

Чтобы исполнить волю Императрицы, Румянцовъ вторично перешелъ за Дунай, оставилъ часть своихъ войскъ на лѣвомъ берегу рѣки, для прикрытія завоеванныхъ имъ провинцій. Но и этотъ походъ былъ неудаченъ, частію отъ малочисленности арміи, частію отъ оплошности генераловъ. Скорбная душа фельдмаршала вылилась въ письмѣ

его къ Императрицѣ; онъ говорилъ: «что причины его несчастныхъ походовъ зависятъ отъ зависти его не доброжелателей при Дворѣ, которые утаиваютъ отъ Ея Величества настоящее положеніе арміи, не хотятъ подкрѣпить его свѣжими войсками.» Кагульской герой, будучи не въ состояніи вынести злобы враговъ, заболѣлъ и просилъ отставки. Государиня поспѣшила отвѣтомъ на письмо фельдмаршала, утѣшила его въ неизмѣнномъ своемъ Монаршемъ къ нему благоволеніи, подкрѣпила армію полками, стоявшими въ Польшѣ, и уполномочила вести войну по его благоусмотрѣнію, просила только одного мира, для Россіи въ то время необходимаго. Съ 1774 года, Румянцевъ какъ будто ожилъ. Съ усиленною арміею, въ числѣ 46,000 человѣкъ, онъ въ третій разъ перешелъ Дунай, осадилъ Рущукъ, Силистрію, велѣлъ генераламъ Каменскому и Суворову идти на визиря, сосредоточивша-

Кампанія 1774 г.

Рис. Бѣлоусовъ. Изд. А. Фариковъ. печат. Рашихъ

Кампанія 1774 года.

го всѣ силы турецкія въ Шумлѣ. Припирая Турокъ къ Балканамъ, самъ онъ занялся осадою крѣпостей на правомъ берегу Дуная. Суворовъ съ 8,000 корпусомъ разбилъ въ прахъ 40,000 Турокъ при Козлуджи, а Каменскій раскинулъ лагерь въ виду Шумлы, угрожая отрѣзать визиря отъ Адріанополя и заморить голодомъ всю оттоманскую армію.

Турки стремглавъ бѣжали изъ лагеря, они не могли долѣе держаться на Балканахъ. Визирь упалъ духомъ, и просилъ султана о заключеніи мира съ Россіею.

Еще въ началѣ кампаніи 1774 года, Мустафа III умеръ; ему наслѣдовалъ робкій, малодушный Абдулъ Гамидъ, неимѣвшій достоинствъ своего предшественника. Новый султанъ повелѣлъ визирю начать переговоры.

Визирь прислалъ въ главную квартиру Румянцова, при Кучукъ Кайнадржи, парламентеровъ съ мирными предложеніями, просилъ заключить перемиріе и возобновить конгресъ. Но фельдмаршалъ велѣлъ отвѣчать визирю, что если онъ дѣйствительно желаетъ заключить миръ, то прислалъ бы въ главную квартиру русской арміи полномочныхъ особъ, принять и утвердить всѣ условія не откладывая вдаль, и что мирный трактатъ можно составить безъ перемирія и конгреса.

Кучукъ Кайнарджискій миръ.

10 іюля 1774 года, въ ставкѣ Румянцова, на барабанѣ подписаны были уполномочными съ обѣихъ сторонъ условія мира, заключавшіяся въ слѣдующемъ: 1) Турція признаетъ независимость Татаръ крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ; 2) уступаетъ въ полное, вѣчное и непрекословное владѣніе Россіи: Азовъ, Керчь, Эникале и Кинбурнъ

съ ихъ округами; 3) предоставляетъ русскимъ купеческимъ кораблямъ свободное плаваніе по Черному и Эгейскому морямъ; 4) уплачиваетъ Россіи 4,500,000 рублей за военныя издержки; 5) прощаетъ возставшихъ Славянъ, Грековъ, Молдаванъ и Валаховъ; 6) признаетъ Императрицу Россійскую въ санѣ Падишаха. Императрица достойнымъ образомъ торжествовала блистательное заключеніе Кучукъ Кайнарджискаго мира. Манифестомъ 17 Марта 1775 года, Она щедро взыскала своими милостями подданныхъ: облегчила налоги, уничтожила разные податные сборы, отмѣнила жестокія наказанія для нижнихъ чиновъ, даровала всепрощеніе за уголовныя дѣла, имѣвшія 10 лѣтнюю неизвѣстность, и простила замѣшанныхъ въ Пугачевскомъ мятежѣ.

Торжество Кучукъ Кайнарджискаго мира происходило въ Москвѣ, въ са-

момъ сердцѣ Россіи. Императрица, воздавъ хвалу и благодареніе Подателю всѣхъ благъ, отправилась изъ Успенскаго Собора въ Грановитую палату, гдѣ Оберъ-прокуроръ привѣтствовалъ Государыню поздравительною рѣчью отъ лица всего русскаго народа. Отъ имени Императрицы отвѣчалъ на рѣчь Вице-канцлеръ графъ Остерманъ. Послѣ сего Тайный Совѣтникъ Алсуфьевъ, читалъ роспись наградамъ, дарованнымъ въ сей день Императрицею.

Въ спискѣ наградъ первое мѣсто занималъ Генералъ - фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ, получившій за очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ шпагу украшенную алмазами и серебреный сервизъ. Вторымъ по списку провозглашенъ былъ Генералъ - фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцовъ, получившій 1) наименованіе Задунайскаго, «для прославленія чрезъ то опаснаго перехода

его чрезъ Дунай; 2) грамату съ прописанiемъ побѣдъ его; 3) «за разумное полководство, алмазами украшенный фельдмаршальскiй жезлъ; 4) за храбрыя предпрiятiя шпагу, осыпанную алмазами, 5) «за побѣды« лавровый вѣнокъ, 6) за заключенiе мира масличную вѣтвь, осыпанную алмазами; 7) въ знакъ Монаршаго благоволенiя крестъ и звѣзду Св. Апостола Андрея первозваннаго, осыпанные брилiантами; 8) въ честь его, для поощренiя примѣромъ его потомства, медаль съ его изображенiемъ 9) для увеселенiя деревню въ 5,000 душъ въ Бѣлоруссiи; 10) на построенiе дома 100,000 рублей 11) для стола серебреный сервизъ 12) на убранство дома картины.

Князь В. М. Долгорукiй получилъ названiе Крымскаго, похвальную грамату, шпагу, украшенную алмазами, брилiантовые знаки ордена Св. Андрея

первозваннаго, и 60,000 рублей, на поправленіе домашней экономіи.

Графъ А. Г. Орловъ, получилъ прозваніе Чесменскаго, похвальную грамату, шпагу, украшенную алмазами, столовой серебреной сервизъ и 60,000 рублей. Графъ П. И. Панинъ получилъ украшенные бриліантами знаки ордена Св. Апостола Андрея первозваннаго, шпагу, осыпанную алмазами и на поправленіе домашней экономіи 60 тысячь рублей.

—

V.

Моровая язва въ Москвѣ.

Кучукъ Кайнаджискій миръ тѣмъ вожделеннѣе былъ для Россіи, что прекратилъ, хотя и блистательную нашими побѣдами войну, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжкую, по тогдашнимъ обстоятель-

ствамъ. Въ одно и тоже время надлежало бороться и съ Польшею и съ Турціею, быть на готовѣ къ войнѣ съ Австріею, разрушить дипломатическія хитросплетенія Франціи, вооружавшей противъ Россіи Швецію; а что всего труднѣе бороться съ внутренними бѣдствіями: моровою язвою, и ужасами Пугачевскаго мятежа.

Въ исходѣ 1770 года, изъ Молдавіи проникла въ Малороссію моровая язва, хотя правительство на проѣзжихъ изъ обѣихъ армій дорогахъ и по другимъ изъ Польши трактамъ, учредило карантинные домы, на самомъ краю границы безъ большой огласки, чтобы тѣмъ безвременно не возмутить напраснаго въ публикѣ безпокойства. Въ половинѣ лѣта, 1771 года, чума появилась въ Москвѣ, близь Москворѣцкаго моста на большомъ суконномъ дворѣ; фабричные отъ страху разбѣжались и разне-

сли заразу по городу. Немедленно приняты были мѣры къ прекращенію злокачественныхъ дѣйствій заразы; зачумленные дома заколачивали, оцѣпляли и, отдѣливъ здоровыхъ, оставляли тамъ больныхъ, подавали имъ казенную пищу на длинныхъ шестахъ, вытаскивали мертвыхъ желѣзными баграми, на мѣстѣ жгли трупы и зачумленныя строенія со всею въ нихъ утварью. Вопль, ужасъ, уныніе, отчаяніе и безнадежность овладѣли Мосвичами. Московской архіепископъ Амвросій, мужъ ума великаго, души благочестивой, высоконабожной, для видимой пользы обывателей запрещалъ хоронить мертвыхъ при церквахъ внутри города, увѣщевалъ священниковъ удерживаться отъ ходовъ, гибельныхъ для усердныхъ богомольцевъ; но все было напрасно.

Императрица повелѣла Московскому главнокомандующему Генералъ-фельд-

маршалу Петру Семеновичу Салтыкову принять нужныя предосторожности, и въ помощь «воину-ветерану назначила сенатора Еропкина, которому поручила надзоръ за здравіемъ первопрестольнаго града.»

Еропкинъ принялъ строгія мѣры къ уничтоженію губительной болѣзни, а народъ толковалъ; «что это не моровая язва, а горячка съ пятнами, что лекаря напрасно морятъ людей въ карантинахъ безсмысленная чернь не слушала распоряженій правительства, почитая ихъ напраснымъ притѣсненіемъ. Зачумленныхъ прятали на чердакахъ, въ погребахъ, чтобы не брали въ карантинъ, и не ходили въ домъ окуриватъ и жечь напрасно вещи; тѣла бросали въ колодцы, зарывали въ садахъ или ночью выбрасывали на улицы. Естественно, что отъ такого упорства и пренебреженія благихъ мѣръ правитесльтва, чу- Еропкинъ.

ма усиливалась. Въ нѣкоторые дни іюля и августа, умирало по тысячѣ человѣкъ, и болѣе.

Въ тяжкіе дни бѣдствія и наказанія Божія, Графъ Салтыковъ оставилъ Москву, ввѣренную его попеченію; онъ уѣхалъ въ свою деревню Марфино, находившуюся отъ столицы въ 30-ти верстахъ.(*) Незабвенный Еропкинъ не палъ духомъ, но усилилъ свое рвеніе для блага Москвы! По повелѣнію Императрицы, онъ съ трудомъ увеличилъ

*) Съ тѣхъ поръ довѣренность Императрицы къ Графу Салтыкову примѣтнымъ образомъ охладѣла. Онъ удалился отъ службы, и въ 1772 году тихо скончался въ своемъ помѣстьѣ Марфинѣ. Мѣстное начальство, зная что покойный находился въ опалѣ, не сдѣлало должнаго распоряженія къ приличнымъ почестямъ при погребеніи фельдмаршала. Графъ П. И. Панинъ, жившій тогда въ Москвѣ, явился въ Марфино въ генеральскомъ мундирѣ, украшенный орденами Св. Андрея и Георгія первой 1-й степени, поклонился до земли бреннымъ останкамъ фельдмаршала, и залившись слезами, сталъ у гроба, обнажилъ побѣдоносный мечь свой и съ жаромъ произнесъ: «до тѣхъ поръ буду стоять здѣсь на часахъ, пока не пришлютъ почетнаго караула для смѣны....» Смѣна пришла,

полицейскую команду, состоявшую не болѣе какъ изъ 436 человѣкъ, закрылъ присутственныя мѣста, заперъ лавки, велѣлъ прекратить черныя работы, для которыхъ во множествѣ стекался народъ, и запретилъ всякія сборища. Праздная чернь явно роптала на распоряженія Еропкина, когда онъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. При недостаточности полицейскихъ служителей, Еропкинъ замѣнилъ ихъ колодниками, которые подъ строгимъ присмотромъ ходили по улицамъ въ длинныхъ смоляныхъ рубахахъ, въ дегтярныхъ шапкахъ и рукавицахъ, баграми вытаскивали изъ домовъ умершихъ отъ чумы, толпами отводили зачумленныхъ въ карантины, въ огромныхъ фурахъ вывозили за городъ груды тѣлъ, и на всѣхъ перекресткахъ улицъ жгли кучи можжевельника. Ужасъ, отчаяніе, увеличивались со дня на день. Невѣжественная чернь начала волноваться, и вдругъ вспыхнулъ

мятежъ, жертвою котораго палъ доблестный архипастырь Амвросій.

Волненія въъ Москвѣ.

Въ сентябрѣ разнеслась по Москвѣ молва, что одна женщина видѣла во снѣ икону Богоматери Боголюбскія, и что отслуживши ей на другой день молебенъ, исцѣлилась отъ чумныхъ язвъ. Народъ несмѣтными толпами сталъ стекаться къ Варвавскимъ воротамъ, надъ которыми висѣла икона Богоматери. Съ самаго разсвѣта до глубокой ночи, тѣснились тамъ старый и малый, и больной и здоровый, и богатый и бѣдный Всякой несъ съ теплою молитвою какую нибудь тлѣнную жертву иконѣ Богоматери, и отъ благочестивыхъ дателей скоро навалена была цѣлая палатка платковъ, лентъ, холста, разныхъ утварей. Всѣ эти усердные приношенія тутъ же и продавались. Иной покупалъ зачумленныя вещи, другой прикасался къ больному. Разумѣется, что

болѣзнь находила здѣсь богатую пищу. Архіепископъ Амвросій, усердный служитель алтаря Божія и престола Царскаго, увѣщевалъ благочестивыхъ мірянъ удаляться всякихъ сходбищъ, въ особенности у Варварскихъ воротъ; но его попеченія, заботы о паствѣ раздражали только чернь. Наконецъ Амвросій велѣлъ запечатать кружку съ деньгами и палатку, гдѣ складывались и продавались приношенія, а икону Богоматери отнести въ ближайшій монастырь. Когда церковные служители стали исполнять спасительныя распоряженія архіепископа, въ толпѣ народа, собравшагося у Варварскихъ воротъ, отставной солдатъ, Савелій Бяковъ, громко закричалъ, «что Амвросій хочетъ отнять «у Божіей Матери казну ея, и лишить «народъ послѣдняго утѣшенія въ на«пасти—молиться Богу; это вѣрно онъ «сговорился съ докторами морить людей.» Тутъ же стоявшій фабричный,

Илья Афонасьевъ, прибавилъ: «вольно «православнымъ терпѣть не правду отъ « начальниковъ; когда бы не было ку«рева по улицамъ, да больницъ, такъ «давно бы моръ прошелъ.» Сначала толпою овладѣлъ ропотъ, потомъ негодованіе. Начались толки, пересуды. Вдругъ съ церкви Всѣхъ Святыхъ, что у Варварскихъ воротъ, ударили въ набатъ, съ колоколенъ ближайшихъ церквей раздался унылый, протяжный звонъ, потомъ загудѣли сорокъ сороковъ московскихъ, и тяжкій, раздирающій набатный гулъ колоколовъ потрясъ всю столицу. Несмѣтныя тысячи бѣжали къ Варварскимъ воротамъ, сами не зная за чѣмъ. Плачь, рыданія, ужасъ, отчаяніе огласили Москву. Разъяренная чернь бросилась съ неистовымъ крикомъ: «въ Кремль, въ Кремль! спросимъ Ам«вросія, за чѣмъ онъ не велитъ молить«ся Божіей Матери? лекаря морятъ на«родъ, кидаютъ отраву въ колодцы, ихъ

«надо допросить, за чѣмъ морятъ лю-«дей?» Дерзкіе ворвались въ Чудовъ монастырь; Амвросія тамъ не было. Мятежники надругались надъ утварями благочестиваго архипастыря; книги, рукописи и превосходную библіотеку, подаренную ему Императрицею Елисаветою Петровною, изорвали и размѣтали по улицамъ. Между тѣмъ толпы бѣсновавшихся увеличивались и заперлись въ Кремлѣ.

Еропкинъ наскоро собралъ свою команду, взялъ нѣсколько пушекъ, подошелъ къ Кремлю, и когда на увѣщательныя слова его посыпались дерзкія ругательства, груды камней и кольевъ, онъ приказалъ стрѣлять по бунтовщикамъ холостыми зарядами. Но мятежники еще болѣе разсвирѣпили; огласили воздухъ ругательствами и проклятіями, снова посыпались каменья, колья, и тяжело раненный Еропкинъ при-

казалъ прыснуть картечью. Первый залпъ повалилъ отважнѣйшихъ, стоявшихъ впереди; толпа подалась назадъ съ неистовыми крпками. Раздался другой, третій залпъ, и всѣ побѣжали, толкая, давя другъ друга.... Часть мятежниковъ перехватили, но большая половина разбѣжались, а нѣкоторые бросились въ Донской монастырь, куда скрылся Амвросій. Только крѣпкіе запоры и пушечные вѣстрѣлы въ Кремлѣ остановили ярость изступленныхъ. На другой день, злодѣи сбили запоръ съ воротъ и ворвались въмонастырь. Когда убійцы ломились въ церковь, Амвросій передъ алтаремъ молился Богу: «Господи! говорилъ онъ, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ! не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе ихъ! И якоже смертію Іоны укротилось волненіе моря, тако смертію моею да укратится нынѣ волненіе сего свирѣпѣющаго народа!» Ар-

химандриты Епифаній и Варлаамъ увлекли почти насильно Амвросія на хоры, позади иконостаса, и тамъ скрылись. Но здѣсь ожидала мученическая смерть доблестнаго архипастыря: какой-то мальчишка увидѣлъ край платья съ хоръ, и показалъ его убійцамъ. Амвросій былъ выведенъ за монастырскую ограду, съ твердостію отвѣчалъ мятежникамъ на всѣ сдѣланные ему вопросы, увѣщевалъ ихъ безропотно повиноваться властямъ, дѣйствующимъ безкорыстно, изъ единаго человѣколюбія, терпѣливо нести наказаніе Божіе и уповать на его благое милосердіе. Слова архипастыря такъ тронули извергов, что они готовы были его отпустить, какъ вдругъ пьяные, купецъ Дмитріевъ и дворовой человѣкъ Андреяновъ, закричавъ: «чего глядите, развѣ не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ,» бросились на Амвросія, ударили его острымъ коломъ въ високъ, и цѣлые четверть часа мучи-

ли, терзали невиннаго страдальца, пока онъ испустилъ духъ, и пеперешелъ въ вѣчность.

На другой день пламя мятежа готово было снова вспыхнуть. Безумные хотѣли зажечь Москву, въ общей сумятицѣ убить Еропкина, дворянъ, докторовъ и разбить карантины. Но предусмотрительность Еропкина уничтожила злодѣйскій ковъ преступниковъ; разставлены были пикеты по всему городу, и всякаго, кто только казался подозрительнымъ, брали. Самъ Еропкинъ, съ отрядомъ гусаръ, объѣхалъ по улицамъ всю столицу, и скоро успѣлъ перехватить главныхъ виновниковъ неслыханныхъ злодѣйствъ и преступленій. Въ Москву вступилъ цѣлый пѣхотный полкъ; пріѣхалъ и самъ графъ Салтыковъ. Императрица, узнавъ объ всемъ случившемся, приказала составить особую слѣдственную комиссію,

для суда надъ бунтовщиками, и отправила въ Москву графа Г. Г. Орлова. Комиссія приговорила убійцъ Амвросія повѣсить близъ Донскаго монастыря; зачинщики мятежа, человѣкъ 60, приговорены къ висѣлицѣ, но только надъ двумя изъ нихъ по жребію свершилась казнь, а остальные 58 наказаны были кнутомъ, и сосланы въ каторжную работу. Въ мятежѣ участвовала только невѣжественная чернь.

Еропкинъ былъ взысканъ милостями Императрицы «за истинное усердіе и неутомимые труды 20,000 руб., а за патріотическую ревность и мужественный духъ, съ которыми столь храбро и благоразумно защищалъ древнюю столицу отъ возмущенія,» онъ получилъ знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Въ концѣ осени, смертность отъ заразы уменьшилась. Чернь, убѣдившись что заразы не было въ воздухѣ, но что она сообщалась только прикосновеніемъ къ зачумленному или его вещамъ, оставила свое упорство, стала соблюдать всѣ предписанія правительства, и въ началѣ 1772 года Высочайшимъ манифестомъ возвѣщено было о прекращеніи моровой язвы.

Дѣйствія графа Орлова въ зачумленной Москвѣ были чрезвычайно благодѣтельны. Прибывъ въ Москву, онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ чернымъ народомъ, на котораго дѣйствовоть слѣдовало увѣщаніями. Орловъ безпрестанно твердилъ, что чума сообщается рикосновеніемъ къ вещамъ зараженнымъ, которыя надо жечь, и вмѣсто отобранныхъ самъ выдавалъ неимущимъ новыя. Его кротость, отеческія попеченія скоро расположили къ нему

простолюдиновъ, и всеобщая довѣренность помогла въ короткое время съ необыкновеннымъ успѣхомъ окончить трудное дѣло, возложенное на него Императрицею. Въ память подвига Орлова, Государыня соорудила тріумфальныя ворота въ Царскомъ Селѣ, съ надписью: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва.»

Такимъ образомъ это событіе, въ эпоху турецкой войны, тяготѣло надъ Россіею, и скоро оно смѣнилось еще тягостнѣйшимъ обстоятельстомъ, отвлекавшимъ Императрицу отъ внѣшней дѣятельности. Это пугачевскій мятежъ.

—

IV.

Пугачевскій мятежъ.

Въ сентябрѣ 1773 года, на Яикѣ, нынѣшнемъ Уралѣ, вспыхнулъ мятежъ, и цѣлый годъ наводилъ страхъ и ужасъ на Россію, такъ что правительство должно было употребить рѣшительныя мѣры для утушенія пламени, перекинувшагося съ хребта уральскихъ горъ на Каму, Волгу, и уже близко подходившаго къ сердцу имперіи—къ Москвѣ. Искра этаго ужаснаго пожара вспыхнула отъ буйнаго своеволія яицкихъ Казаковъ, въ главѣ которыхъ явился бѣглый Казакъ, Емельянъ Пугачевъ.

Яицкіе Казаки.

Яицкіе или уральскіе Казаки составляли отродіе донскихъ Казаковъ, поселившихся на большомъ пространствѣ, отъ тихихъ береговъ Дона до склона горъ кавказскихъ и уральскихъ. Еще

въ XV столѣтіи, бездомовные и безсемейные Донцы, лѣтомъ разъѣзжали по Хвалынскому (Каспійскому) морю, а на зимовье останавливались на Яикѣ, сначала бродили вверхъ и внизъ по этой рѣкѣ, а наконецъ избрали постояннымъ жилищемъ мѣстечко Каловратное, не далеко отъ нынѣшняго Урала. Здѣсь же, на привольныхъ пажитяхъ береговъ Яика, бродили татарскія семейства. Казаки на Яикѣ жили также какъ и на Дону, нестроили ни селъ, ни городовъ, отъ бурь и непогоды укрывались въ куреняхъ, не занимались ни ремеслами ни промыслами, а грабили кого попало; похищали женъ изъ татарскихъ улусовъ; и всѣ считали себя *людьми вольными*. Какъ ни привольно однакожъ было жить Казакамъ на Яикѣ, но вражда сосѣднихъ племенъ заставила ихъ бить челомъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу: принять ихъ подъ свое покровительство. Царь обласкалъ при-

бывшихъ пословъ отъ новыхъ подданныхъ, и пожаловалъ имъ грамату на рѣку Яикъ. Постепенно Яицкое казачество умножалось; продолжало разъѣзжать съ Донцами по Хвалынскому морю, нападало на персидкія суда и грабило приморскія селенія. Шахъ жаловался Царю. Послали къ Казакамъ сначала увѣщевательныя граматы, потомъ стрѣльцовъ, наконецъ подчинили ихъ московскому приказу. Яицкіе Казаки послушно несли службу Царскую, но дома жили по прежнему: всѣ были равны между собою, избирали общимъ голосомъ атамановъ и старшинъ; собирались на круги или совѣщанія для рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Судъ и расправу производили словесно.

Возмущеніе яицкихъ Казаковъ.

Петръ Великій хотѣлъ обратить Казаковъ въ регулярное войско; подчинилъ ихъ военной коллегіи, но они

возмутились, сожгли свой городокъ, хотѣли бѣжать въ киргизскія степи. Полковникъ Захаровъ усмирилъ мятежниковъ. Все яицкое казачество было переписано, опредѣлена ему служба, назначено жалованье, и самъ Государь поставилъ надъ ними войсковаго атамана.

До временъ Екатерины II, и въ первые годы Ея царствованія, Казаки по прежнему были не спокойны. Правительство принуждено было прибѣгнуть къ силѣ оружія и строгости, наказать безпокойныхъ удальцовъ. Вдругъ между ними разнесся слухъ, что хотятъ имъ брить бороды, и составить изъ казачьихъ дружинъ гусарскіе эскадроны. Въ 1771 году, возмутившіеся яицкіе Казаки, явно отказались отъ всякой службы. Противъ мятежниковъ посланъ былъ изъ Москвы генералъ-маіоръ Фрейманъ, съ ротою гренадеръ и съ артиллеріею. Фрейманъ весною прибылъ въ Орен-

бургъ, и взявъ съ собою двѣ полевыя команды въ 1000 человѣкъ, съ нѣсколькими Казаками, пошелъ къ яицкому городку. До 3,000 выѣхали противъ него; завязалась жаркая схватка; Фрейманъ прогналъ ихъ картечью; прискакавъ въ свои домы, Казаки забрали женъ, дѣтей, пожитки и хотѣли бѣжать къ Каспійскому морю, но были переловлены; зачинщики бунта наказаны кнутомъ; около 140 человѣкъ сосланы въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты, остальные прощены, и подъ вторичною присягою поклялись въ вѣрности службы. Столь строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. «То-ли еще будетъ!» говорили помилованные крамольники: «такъ-ли мы тряхнемъ Москвою.» Дѣйствительно, Казаки собирались втайнѣ на отдаленныхъ хуторахъ, строили злодѣйскій ковъ, и имъ недостовало

только отважнаго атамана. Онъ явился скоро: то былъ донской Казакъ, Зимовейской станицы, раскольникъ Емельянъ Пугачевъ.

Въ это смутное время, Пугачевъ шатался по казацкимъ дворамъ, нанимался въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, принимался за всякія ремесла, но ни одно ему неудавалось. На языкѣ его всегда вертѣлась дерзость; часто онъ поносилъ начальство и подговаривалъ Казаковъ бѣжать въ Турцію, увѣряя, что и Донцы не замедлятъ за ними послѣдовать; что у него на границѣ въ готовѣ 200,000 рублей, товару на 70,000, и что какой то паша, немедленно по приходѣ Казаковъ, долженъ имъ выдать до 5 милліоновъ; между тѣмъ до времени обѣщалъ онъ каждому по 25 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противу яицкихъ

Казаковъ изъ Москвы идутъ два полка, и что около Рождества или Крещенія, непремѣнно будетъ мятежъ. Скоро возмутитель былъ схваченъ, отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань, гдѣ и посаженъ въ тюрьму.

Сообщники бродяги искали случая освободить его. Однажды Пугачевъ, подъ присмотромъ двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. Въ одной улицѣ, товарищи приготовили ему лихую тройку лошадей. Пугачевъ подошелъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ его сопровождавшихъ, другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 17 іюня 1773 года. Три дня спустя, въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе суда, по которому Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетьми, и къ ссылкѣ въ каторжную работу.

Пугачевъ появился снова на Казацкихъ хуторахъ, вездѣ распалялъ умы злодѣйскимъ ковомъ, и въ короткое время составилась шайка изъ 300 человѣкъ подобныхъ ему злоумышленниковъ. Между Казаками мятежники распустили слухъ, будто Императоръ Петръ III живъ, и ищетъ помощи, чтобы овладѣть престоломъ. Несмотря на всю нелѣпость такого гнуснаго вымысла, Пугачевъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ: изъ трехсотенной шайки мятежниковъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, набралось до 30,000 всякаго сброду. Пугачевъ объявилъ, что онъ Императоръ Петръ III; что слухи о смерти его были ложны, что онъ спасался долгое время, что хочетъ возвести на престолъ Государя Великаго Князя. «*Самъ же* говорилъ онъ, *уже царствовать не желаю.*»

Дѣйствія Пугачева и его злодѣйства.

На каждомъ шагу, Казаки приставали къ самозванцу. Пугачевъ изъ подъ яицкаго городка, съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, пошелъ прямо къ Илецкому городку, и послалъ начальствовавшему въ немъ атаману Портному, повѣленіе — выйти къ нему навстрѣчу, и съ нимъ соединиться. Казаковъ илецкихъ онъ обѣщалъ пожаловать крестомъ и бородою. Вѣрный своему долгу, атаманъ не пошелъ къ Пугачеву; но Казаки возмутились, связали Портнаго, и приняли злодѣя съ колокольнымъ звономъ, хлѣбомъ и солью. Пугачевъ повѣсилъ атамана, три дня пировалъ побѣду, и взявъ съ собою всѣхъ илецкихъ Казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную, овладѣлъ ею, а коменданта, маіора Веловскаго, нѣсколько офицеровъ и одного священника велѣлъ повѣсить.

Послѣ Разсыпной, Пугачевъ овладѣлъ крѣпостью Нижне-Озерною, не смотря храбрую защиту коменданта - маіора Харлова. Казаки и здѣсь предались самозванцу. Израненный Харловъ, два прапорщика, писарь и одинъ Татаринъ были повѣшены. Крѣпость Татищева тоже неустояла. Мятежники зажгли ее, схватили Бригадира Билова и полковника Елагина; первому отсѣкли голову, съ послѣдняго живьемъ содрали кожу, а жену его изрубили въ куски; всѣхъ офицеровъ повѣсили, а солдатъ разстрѣляли. Тринадцать пушекъ достались бунтовщикамъ. Изъ Татищевой, Пугачевъ ударилъ на крѣпость Чернорѣченскую, взялъ ее и повѣсилъ коменданта капитана Нечаева. Въ Сакмарскомъ городкѣ, самозванца встрѣтили Казаки съ большимъ торжествомъ. Попъ ожидалъ его съ крестомъ и святыми иконами. Когда онъ въѣхалъ въ городъ,

начали звонить въ колокола, народъ снялъ шапки и падалъ ницъ.

Башкирцы, присланные отъ Оренбургскаго губернатора Рейнсдорфа, окружили городъ. Пугачевъ выѣхалъ, къ нимъ и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. Изъ подъ Пречистинской крѣпости, самозванецъ потянулся къ Оренбургу съ 3,000 пѣхоты и конницы, и 30 пушками.

Всѣ взятыя Пугачевымъ крѣпости, были не иное что, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ.

Осада Оренбурга.

Въ Оренбургѣ ожидали Пугачева со страхомъ и трепетомъ. Яицкіе Казаки были на готовѣ взбунтоваться; Калмыки, Башкиры, Мордва, Чуваши, Че-

ремисы не повиновались русскому начальству; холопи и помѣщичьи крестьяне увлеклись нелѣпостью слуховъ. Сосѣднія губерніи Казанская, Симбирская и Астраханская тоже были въ великомъ безпокойствѣ. Императрица, извѣстясь обо всемъ, происходившемъ на востокѣ Имперіи, спѣшила прекратить въ самомъ началѣ возникающія бѣдствія. Не смотря на то, что всѣ войска были или на Дунаѣ, или около Польши, она повелѣла нѣсколькимъ ротамъ и эскадронамъ изъ Москвы, Новгорода, Петербурга и Бахмута на скоро идти въ Казань, подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ Кара и Фреймана. Манифестомъ отъ 15 октября, правительство объявило народу о появленіи самозванца, увѣщевая обльщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія.

Между тѣмъ Пугачевъ сталъ подъ Оренбургомъ, гдѣ все пришло въ вол-

неніе; Казаки съ угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдачѣ города. Генералъ губернаторъ Рейнсдорпъ принялъ мѣры къ оборонѣ, увѣряя, что Пугачевъ не Императоръ Петръ III, но бунтовщикъ, Казакъ. Самозванецъ, подъ пушечными выстрѣлами, поставилъ одну батарею на паперти церкви у самаго предмѣстія; а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ; но, отбитый сильною пальбою, отступилъ, и зажегъ около всего города скирды заготовленнаго на зиму сѣна.

Чрезъ нѣсколько дней завязалось сраженіе. Губернаторъ выслалъ отрядъ подъ начальствомъ маіора Наумова. Артиллерія Пугачева встрѣтила оренбургскихъ Казаковъ градомъ ядеръ; Казаки заробѣли и стали жаться къ городу. Мятежники ихъ окружили. Наумовъ отступилъ.

Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми силами; но неимѣлъ намѣренія взять его приступомъ. «Нестану тратить людей, говорилъ онъ, а выморю городъ.»

Дѣйствительно, голодъ и стужа приводили жителей Оренбурга въ отчаяніе. Вскорѣ однакожъ Пугачевъ ушелъ па Яикъ къ Сакмарѣ, и сталъ подъ Бердскою Слободою, въ 7-ми верстахъ отъ Оренбурга.

Чрезъ двѣ недѣли самозванецъ опять подступилъ къ Оренбургу, и поставя около всего города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны ему отвѣчали тѣмъ же.

Пугачевъ ворвался однажды въ городъ, но едва не попался въ плѣнъ. Неудачи и жестокая стужа принудили мятежниковъ отступить въ ближнюю

Составъ Пугачевской шайки.

слободку. Силы самозванца съ часу на часъ увеличивались. Войско его состояло уже изъ 25,000 человѣкъ. Тутъ были яицкіе Казаки, Татары, Башкирцы, Калмыки, бунтующіе крестьяне, бѣглые каторжники, бродяги и всякая сволочь, чѣмъ попало вооруженная: копьями, стрѣлами, пистолетами, шпагами, пиками, дубинами, винтовками. Мятежники раздѣлялись на полки, каждый въ 500 человѣкъ. Жалованье получали одни яицкіе Казаки; прочіе жили грабежемъ. Ученье происходило ежедневно. Церковная служба отправлялась каждый день. На эктеніи поминали Государя Петра Ѳеодоровича и супругу Его Государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ былъ раскольникъ, какъ и большая часть яицкихъ Казаковъ, а потому въ церковь никогда неходилъ. Разъѣзжая въ толпѣ народа, онъ на всѣ стороны бросалъ мѣдныя деньги. Судъ и расправу производилъ, сидя въ кре-

Рис. Билдеусенъ. Изд. А. Фарыков. печат. Ращикъ.

ПУГАЧЕВЩИНА

слахъ, передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись до земли, и перекрестясь, цѣловали руку. Казни происходили каждый день. Трупы разстрѣлянныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ валялись по полямъ и на дорогахъ. Шайки разбойниковъ грабили казну и достояніе дворянъ, не трогая крестьянской собственности. Пугачевъ небылъ самовластенъ. Главные зачинщики бунта управляли всѣмъ. Самъ онъ ничего неначиналъ безъ ихъ согласія, и часто они дѣлали противъ его воли и безъ его вѣдома. Они оказывали ему только наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ: но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ рубахахъ, и распѣвая бурлацкія пѣсни.

Между главными зачинщиками бунта отличался Чика, котораго Пугачевъ наименовалъ фельдмаршаломъ, Овчинниковъ, Шегаевъ, Лысовъ и Чумаковъ. Всѣ эти злодѣи носили имена вельможъ, стоявшихъ въ то время у престола Екатерины: Чика назывался графомъ Чернышевымъ, Шегаевъ графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ графомъ Панинымъ, Чумаковъ графомъ Орловымъ. Самъ Пугачевъ незналъ грамоты. Отставной капралъ Бѣлобородовъ завѣдывалъ его письменными дѣлами. Разбойникъ Хлопуша, изъ подъ кнута, клейменый рукою палача, съ ноздрями вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ злодѣя. Вотъ какіе гнусные люди нарушали спокойствіе благословенной Россіи.

Неуспѣшныя дѣйствія генерала Каръ.

Каръ, прибывъ между тѣмъ на оренбургскую границу, былъ разбитъ Пугачевымъ, «для пораженія котораго,

писалъ онъ въ военную коллегію, нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница, и сильная артиллерія.» Полковникъ Чернышевъ пришелъ въ Оренбургъ съ 2,000 отрядомъ и 12 пушками, но обманутый проводникомъ, попалъ въ самый лагерь Пугачева. Все было захвачено: Чернышева повѣсили вмѣстѣ съ 36-ю офицерами и калмыцкимъ полковникомъ.

Оренбургскіе жители потерялись отъ ужаса. Напрасно Рейнсдорпъ высылалъ отряды. Мятежники ихъ поражали. Каръ совершенно упалъ духомъ, сказался больнымъ, самовольно сдалъ начальство Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица строгимъ указомъ повелѣла его исключить изъ службы.

Волненіе быстро разлилось отъ Урала къ Волгѣ. Крестъ, борода и вѣчная

воля, обѣщанные Пугачевымъ всѣмъ Казакамъ, сильно колебали долгъ присяги слабоумныхъ. Императрица увидѣла необходимость принять рѣшительныя мѣры противъ возрастающаго зла.

А. И. Бибиковъ.

Генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ, мужъ доблестный подвигами на полѣ брани, уполномоченъ былъ Государынею къ утушенію мятежа. Пріѣхавъ въ Москву, онъ нашелъ ее въ страхѣ и уныніи. Москвичи, недавніе свидѣтели мятежа и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало изъ Казани, Симбирска, Саратова въ Москву. Холопи ихъ распускали слухи по площадямъ о вольности и истребленіи своихъ господъ.

Успѣхи мятежниковъ были неимовѣрны. Вся Нагайбицкая область взбунтовалась. Чика съ 10,000 отрядомъ под-

ступилъ подъ Уфу, и осадилъ ее въ концѣ ноября. Хлопуша взялъ Ильинскую крѣпость; пошелъ на Верхне Озерную въ соединеніи съ Пугачевымъ, но послѣдній скоро раздумалъ и воротился подъ Оренбургъ, положеніе, котораго съ часу на часъ становилось ужаснѣе. Голодъ, холодъ, болѣзни, всеобщій ропотъ, страхъ и уныніе представляли плачевную картину. Сдѣлали послѣднее усиліе. Выступили изъ города противъ мятежниковъ, но были отбиты, и Рейнсдорпъ уже нерѣшался дѣйствовать наступательно, а подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибиковъ прибылъ въ Казань, гдѣ не нашелъ ни губернатора, ни главныхъ чиновниковъ, ни знатныхъ дворянъ, ни богатыхъ купцовъ; они бѣжали въ губерніи безопасныя. Въ городѣ царствовала мертвая тишина при все-

общемъ страхѣ и уныніи. Бибиковъ успокоилъ умы, собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой, изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченіе правительства о пресѣченіи зла, требовалъ содѣйствія къ искорененію крамолы. Казанское дворянство а потомъ Симбирское, Свіяжское а Пензенское, вооружили на свое иждивеніе конныя и пѣшія ополченія, надъ которыми начальство поручили Бибикову.

Императрица благодарила казанское дворянство, и въ милостивомъ письмѣ къ Бибикову называла себя казанскою помѣщицею.

Бибиковъ нашелъ дѣла въ самомъ разстроенномъ положеніи. Общее возмущеніе Башкирцовъ, Калмыковъ и другихъ инородцевъ, отвсюду пересѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и

ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали. Зима усугубила затрудненія. Глубокій снѣгъ покрывалъ поля. Селенія были пусты, главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками мятежниковъ, заводы разграблены и выжжены, чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изо всѣхъ концовъ государства, подвигались медленно, зло разливалось быстро и широко. Губерніи Казанская и Нижегородская были наполнены шайками мятежниковъ Сибирь, Пермь, Екатеринбургъ находились въ опасности. Киргизъ Кайсаки переходили границу, грабили хуторы, отгоняли скотъ, захватывали жителей; закубанскіе народы волновались, возбуждаемые Турціею. Швеція думала воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась тогда Россія.

О Пугачевѣ много кричали во француз-скихъ журналахъ, и въ Европѣ считали его за орудіе турецкой политики. Такъ были близоруки французскіе журналисты! Презирая разбойника, Императрица принимала однакожъ мѣры, чтобы образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщетельные манифесты; обѣщано 10,000 рублей за поимку самозванца. Послано въ Черкаскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его безо всякаго оскорбленія отправить въ Казань, для уличенія самозванца, въ случаѣ поимки его.

Наконецъ войска, назначенныя дѣйствовать противу Пугачева, стали собираться подъ Оренбургъ; часть послали къ Уфѣ, къ Екатеринбургу, для охраны Сибири, для прикрытія Волги, со стороны Пензы и Саратова. Первый успѣхъ состоялъ въ пораженіи шайки

разбойниковъ близь Самары, и въ усмиреніи 25 бунтовавшихъ деревень.

Пугачевъ мало думалъ объ угрожавшей ему опасности, въ надеждѣ на оплошность начальниковъ. Въ случаѣ неудачи намѣревался онъ бѣжать, бросивъ свою сволочь на произволъ судьбы. Яицкіе же Казаки думали, если нужно будетъ, предать самозванца въ руки правительства, и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. «Пугачевъ ни что иное, писалъ Бибиковъ, какъ чучело, которымъ играютъ воры, яицкіе Казаки.»

Снова Пугачевъ бросился на Оренбугъ, десять часовъ была рѣзня подъ городомъ, но мятежники ничего не успѣли сдѣлать рѣшительнаго: злодѣй въ бѣшенствѣ на неудачу, скрежеталъ зубами.

Первая побѣда надъ Пугачевымъ была одержана княземъ Голицынымъ, подъ

Князь Голицынъ.

крѣпостью Татищевой, гдѣ злодѣй засѣлъ съ 10,000 человѣкъ отборнаго своего войска. Кровопролитіе было ужасно. Мятежники дрались отчаянно, и пали въ числѣ 3,300 человѣкъ. Самозванецъ съ 60 Казаками пробился сквозь войско князя Голицына, и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу, откуда бунтовщики стали выбираться. Въ это время Пугачевъ и Хлопуша были схвачены, но первый спасенъ ссылочными, а послѣдняго казнили въ Оренбургѣ. Подъ Каргале, Голицынъ еще разъ разбилъ самозванца, положилъ на мѣстѣ до 3,500 убитыми; главные сообщники попались въ плѣнъ. Пугачевъ бѣжалъ на уральскіе заводы. Въ тоже время Чика, съ 10,000 мятежниковъ, на голову былъ разбитъ Подполковникомъ Михельсономъ, подъ Чесноковкою.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ сихъ побѣдъ надъ мятежниками, было водво-

реніе тишины и спокойствія между бунтовавшими крестьянами, а что всего важнѣе, надежда жителей восточнаго края на близкое спасеніе отъ злодѣйскихъ умысловъ самозванца. Дѣйствительно, мудрыя распоряженія Бибикова предвѣщали скорый конецъ безпокойствамъ. Михельсонъ спасъ Уфу, генералъ Мансуровъ освободилъ яицкой городокъ, и князь Голицынъ возвратилъ жизнь Оренбургу. Мятежъ повидимому затихалъ, какъ вдругъ дѣла приняли дурной оборотъ. Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго дѣла; измученный трудами, безпокойствами и досадами, онъ умеръ въ горячкѣ на 44 году отъ рожденія. Умирая онъ говорилъ: «Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ; Государыня призритъ ихъ: жалѣю объ отечествѣ,» Державинъ прекрасно воспѣлъ кончину Бибикова:

«Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,

Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой путникъ! стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.»

Преемникъ Бибикова, князь Щербатовъ, своимъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ далъ время Пугачеву оправиться отъ первыхъ пораженій. Преслѣдуемый по мало извѣстнымъ дорогамъ слабымъ отрядомъ Михельсона, самозванецъ быстро переходилъ на уральскихъ горахъ съ одного мѣста на другое. Чернь толпами валила къ нему. Башкирцы снова возмутились, и въ числѣ 6,000 человѣкъ пошли за мятежниками. Пугачевъ на уральскихъ заводахъ обокралъ казну, взволновалъ заводскихъ людей, вылилъ пушки, въ замѣнъ отбитыхъ; усилилъ свое войско Та-

тарами, Калмыками и всякимъ сбродомъ, и въ числѣ 10,000 расположилъ свои силы подъ Троицею, гдѣ стоялъ Декалангъ. Завязался отчаянный бой, продолжавшійся четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей ставкѣ, страдалъ отъ раны, не задолго полученный имъ подъ Магнитною. Мятежники подались, разстроились, самозванецъ сѣлъ на лошадь, и съ подвязанною рукою бросался всюду, ободряя свою сволочь; но она была разбита. Михельсонъ довершилъ пораженіе мятежниковъ, неутомимо ихъ преслѣдуя. Пока Михельсонъ поражалъ Пугачева, прочіе начальники оставались въ бездѣйствіи, по распоряженію князя Щербатова, около Оренбурга и яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ, а край, гдѣ снова разгоралось пламя мятежа, оставался почти безъ защиты.

Взятіе Казани

Кама была открыта, и Пугачевъ въ іюлѣ, переправившись чрезъ нее, бро-

сился на Казань, защищаемую слабымъ 1,500 гарнизономъ. Наскоро вооружили 6,000 человѣкъ; комендантъ Баннеръ приготовился къ оборонѣ, заперся въ ветхомъ Кремлѣ; куда сбѣжались городскіе жители въ страхѣ и трепетѣ, ожидая рѣшенія злосчастной своей участи. Подъ прикрытіемъ батарей и тучею пущенныхъ Башкирцами стрѣлъ, мятежники ворвались въ городъ, бросились грабить домы и купеческія лавки, вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы, рѣзали, душили всѣхъ, кто ни попадался имъ въ нѣмецкомъ платьѣ, и наконецъ зажгли городъ. Поднялась буря. Жители Казани отъ ужаса потерялись, особенно когда запылалъ самый Кремль. Тысячи плѣнныхъ и огромную добычу потащили мятежники въ свой лагерь. Башкирцы били нагайками народъ, кололи пиками отстававшихъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Народъ, пригнанный въ ла-

геръ, поставленъ былъ на колѣни предъ пушками. Женщины подняли вой; имъ объявили прощеніе. Казанскіе Татары пріѣхали съ дарами къ Пугачеву который принялъ ихъ въ своей ставкѣ, сидя на креслахъ.

Казань погибала; но внезапное прибытіе Михельсона воскресило надежду на спасеніе. Хотя Пугачевъ три раза былъ разбитъ Михельсономъ въ виду пылающаго города, однакожъ, отступивъ съ 25,000 человѣкъ и приведя ихъ въ порядокъ, объявилъ, что идетъ на Москву.

Ужасное зрѣлище представляла Казань, когда вошелъ въ нее Михельсонъ: 2,050 домовъ лежали въ развалинахъ, подъ пепломъ и дымящимися головнями, 25 церквей и 3 монастыря тоже сгорѣли, уцѣлѣвшія строенія были разграблены, 300 труповъ убитыхъ обывателей валя-

лись по улицамъ, до 500 человѣкъ пропали безъ вѣсти.

Въ Казани Пугачевъ, увидѣвъ жену и дѣтей, заплакалъ, но не призналъ ихъ своими, а велѣлъ ихъ отвезти въ свой лагерь.

Въ половинѣ іюля, самозванецъ перешелъ Волгу, и по правому ея берегу возмутительными разглашеніями произвелъ всеобщее смятеніе въ черни. Господскіе крестьяне возмутились, иновѣрцы и новокрещеные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ; дворяне изъ помѣстій, мужики ловили тѣхъ и другихъ, и отвсюду приводили къ Пугачеву, который объявлялъ вездѣ всеобщую вольность, гибель дворянамъ, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли. Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ воеводу, и

шайками разбойниковъ пресѣкъ сообщенія Нижняго Новгорода съ Казанью. Дорода къ Москвѣ была ему открыта, но мудрыя распоряженія правительства заградили мятежникамъ этотъ путь.

Пугачевъ, окруженный со всѣхъ сторонъ войсками правительства, отдумалъ идти на Москву, и не довѣряя своей сволочи заботился только о собственномъ спасеніи: онъ хотѣлъ пробраться за Кубань или въ Персію. Главные мятежники смекнули въ чемъ дѣло, поняли, что ихъ ожидаетъ, и уже торговались о головѣ каторжника. Пугачевъ бѣжалъ, но бѣгство его было страшнымъ нашествіемъ. Вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, толпы безсмысленной черни слѣдовали за нимъ, увеличивая его силы.

Императрица, узнавъ объ участи Казани и о распространеніи мятежа за Волгу, думала Сама ѣхать въ край, гдѣ

усиливалось бѣдствіе и опасность, и въ чрезвычайномъ Военномъ Совѣтѣ объявила «что приметъ начальство надъ войсками для спасенія Москвы и Имперіи.» Всѣ безмолствовали; одинъ Графъ Никита Ивановичъ Панинъ осмѣлился доложить Государынѣ «что волненіе презрѣннной черни незаслуживаетъ столь рѣшительныхъ мѣръ,» вызвался самъ идти противъ Пугачева, или ввѣрить начальство надъ войсками брату, если не имѣется въ виду лучшаго полководца. Императрица приняла усердное предложеніе вѣрнаго подданнаго. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, жившій въ своей деревнѣ, вооружилъ крестьянъ и дворовыхъ людей, готовясь идти на встрѣчу злодѣю, но въ это самое время получилъ повелѣніе принять главное начальство надъ губерніею, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, и надъ войсками, туда посланными. Удивительная судьба! Покоритель Бендеръ пошелъ съ

мечемъ противу простаго Казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войскъ, находившихся подъ его начальствомъ.

Между тѣмъ, какъ Панинъ собиралъ войска и готовился къ защитѣ Москвы, неутомимый Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева за Волгою, заслонилъ ему дорогу при Арзамасѣ, и погналъ внизъ по рѣкѣ. Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ, гдѣ встрѣченъ былъ испуганными жителями, умолявшими его о пощадѣ. Злодѣй повѣсилъ триста дворянъ; многихъ жителей всякаго пола и возраста тутъ же предалъ мучительнымъ изтязаніямъ.

Торжественная встрѣча ожидала Пугачева въ Пензѣ. Здѣсь онъ посадилъ въ воеводы господскаго мужика, и пошелъ къ Саратову, гдѣ находился тогда гвардіи Поручикъ Державинъ, кото-

рый бойкимъ умомъ и пылкимъ характеромъ обратилъ на себя общее вниманіе начальства.

Пугачевъ шелъ къ Саратову съ 450 Казаками, 10,000 Калмыковъ, Татаръ, Башкирцовъ, господскихъ крестьянъ, вооруженныхъ топорами, вилами и дубинами.

Храбрая оборона неостановила мятежниковъ. Они овладѣли городомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки, разграбили дома, и пустились внизъ по Волгѣ. Шайка разбойниковъ наводнила губерніи: нижегородскую, воронежскую и астраханскую. Пугачевъ подошелъ къ Царицыну, гдѣ Полковникъ Цыплятевъ два раза отбивалъ его съ успѣхомъ. Между тѣмъ Михельсонъ по пятамъ преслѣдовалъ Самозванца; въ ста пятидесяти верстахъ отъ Ца-

рицына въ прахъ разбилъ его, перебросилъ за Волгу и загналъ въ степи. За Элтонскимъ озеромъ, Пугачевъ былъ окруженъ войсками, которыя отвсюду сходились по распоряженію Графа Панина. Скоро прибылъ въ отрядъ Михельсона Суворовъ. Ему поручено преслѣдованіе злодѣя. Пугачевъ бросался изъ степи въ степь; но его окружили, отрѣзали дорогу къ сѣверу; загородили бѣгство въ Астрахань, на Яикъ. Сообщники злодѣя увидѣли невозможность выпутаться изъ разставленныхъ сѣтей, хотѣли заслужить милость правительства, и сговорились выдать самозванца въ руки правосудія. Послушаемъ, какъ разсказываетъ объ этомъ поэтъ историкъ.(*)

«Пугачевъ хотѣлъ идти въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Казаки на то притвор-

*) Пушкинъ.

но согласились; но сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 сентября, они пріѣхали въ селеніе тамошнихъ староверовъ; нѣсколько Казаковъ подошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости; оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ Казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно? Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ ихъ уговаривать идти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ, и что уже ему пора ѣхать за ними. Что же? скаазалъ Пугачевъ, вы хотите измѣнить своему Государю? Что дѣлать! отвѣчали Казаки, и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ

успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. *Я давно видѣлъ вашу измѣну*, сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, илецкаго Казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: *вяжи!* Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ недался. *Развѣ я разбойникъ?* говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ, и повезли къ Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачевъ угрожалъ имъ местію Великаго Князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолетъ, ранилъ выстрѣломъ одного изъ Казаковъ, и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но ни кто уже его неслушалъ. Казаки, подъѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бордовскій, высланы были къ нимъ на встрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ гвар-

дiи Капитанъ-поручику Маврину, члену слѣдственной комиссiи.

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему «*Богу было угодно*, сказалъ онъ, *наказать Россiю чрезъ мое окаянство.*»

Велѣно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержавшiеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать и сказалъ: *вы погубили меня, вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что нидѣлалъ, было съ вашей воли и согласiя, вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли.* Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Между тѣмъ прибылъ Суворовъ, взялъ мятежнаго каторжника и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ, на таратайкѣ. Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ сыномъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулилъ.

Въ октябрѣ, Пугачева привезли въ Симбирскъ, прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца. *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*, отвѣчалъ тотъ. Какъ же смѣлъ ты, воръ,

назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ. *Я не воръ* (возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно), *я вороненокъ, а воронъ то еще летаетъ.* Панинъ замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣни, и просилъ помилованія. Его посадили подъ крѣпкій караулъ, скованнаго по рукамъ и ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. Его везли скованнаго въ зимней кибиткѣ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Два мѣсяца,

Рис. Бѣлоусовъ Изд. А. Фариков. печат. Рашикъ

Уничтоженіе Пугачевскаго бунта

любопытные Москвичи стекались на Монетный дворъ, гдѣ сидѣлъ злодѣй, прикованный къ стѣнѣ. Разсказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взляда и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика, къ отсѣченію головы, Шигаевъ, Подуровъ и Торновъ, къ висилѣцѣ; 18 человѣкъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу. Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась 10 января 1775 года.» Съ утра, безчисленное множество тѣснилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ высокій помостъ. На немъ сидѣли палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около помоста стояли три висѣлицы. Кругомъ были выстроены пѣхотные полки.

Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ сильнаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали, *везутъ, везутъ!* Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (*) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

«Сани остановились противъ крыльца Лобнаго мѣста. Пугачевъ и люби-

---

*) И. И. Дмитріевъ.

мецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ.

«При произношеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полиціймейстеръ спрашивалъ его громко: ты ли Донской Казакъ, Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я Донской Казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ. Потомъ во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ ска-

залъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ, кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою: . . прости, народъ православный!* При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его, сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго, малиноваго полуфтанья. Тогда онъ, сплеснулъ руками, повалился на взничь, и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ: палачь взмахнулъ ее за волосы. У трупа отрѣзали руки и ноги; палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову воткнули на высокой

колъ. Съ Перфильевымъ послѣдовало тоже. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ . . . . . Въ сіе время зазвѣнѣлъ колокольчикъ. Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговыя казни, народъ разошелся, осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, присужденныя къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по Московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепелъ. Помилованные мятежники были, на другой день казней, приведены предъ Грановитую Палату. Имъ объявили прощеніе, и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы. Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ Казаковъ, усилившійся отъ

оплошности мѣстныхъ начальниковъ и генерала Кара, и поколебавшій государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Дѣятельныя мѣры Панина и Суворова успокоили юговосточный край Имперіи. Екатерина, желая, что бы самое имя злодѣя изгладилось изъ памяти народной, запретила произносить его, и повелѣла Яикъ называть Ураломъ. Такъ кончилась нѣкогда страшная Пугачевщина.

—

VII.

Блистательная эпоха царствованія Екатерины.

Прошло двѣнадцать лѣтъ царствованія Екатерины. Россія унизила высокомѣріе Порты, дала независимость Крымскимъ Татарамъ, проложила свободный путь своей торговлѣ изъ Чернаго моря

въ Средиземное, готовилась овладѣть Крымомъ, Грузіею, Имеретіею и на развалинахъ Турціи воскресить Грецію; Россія управляла судьбою Польши, и въ глазахъ Европы казалась могущественнѣйшею державою; съ нею искали союза Австрія, Пруссія, Швеція, Данія, Англія и Франція. Внутри Имперіи царствовало утѣшительное благоденствіе: число городовъ увеличилось, старые обстроивались; внутренняя торговля расширяла кругъ своей дѣятельности, народъ богатѣлъ, нравы смягчались; вкусъ изощрялся, умы дѣятельно работали на поприщѣ словесности; русское слово заговорило чисто, ясно, краснорѣчиво, бросило старинныя книжныя формы; искусства, художества возникали; высшее сословіе отличалось образованностію, пышностію и великолѣпіемъ; всѣ были довольны, веселы, счастливы, и каждый благословлялъ свою судьбу. Словомъ отъ 1775 года по 1787,

новое двѣнадцатилѣтіе было блистательною эпохою царствованія Екатерины, какъ слѣдствіе предыдущаго и начало прекрасной будущности. Пространство этаго времени могло бы составить особый періодъ великаго, славнаго вѣка Екатерины, если бы оно несвязывалось также тѣсно съ предыдущимъ, какъ съ послѣдующимъ. Предыдущее породило замыслы неимовѣрные, предположенія удивительныя, осуществленіе которыхъ внутри и внѣ послѣдовало чрезъ двѣнадцать лѣтъ. Слѣдуя принятому нами порядку будемъ изображать сперва внѣшнія событія, чтобы неразрывать исторической цѣпи.

Екатерина, увѣнчанная славою побѣдъ, окруженная полководцами, разгромившими непоколебимую доселѣ Турцію, смирившими мятежную Польшу, мудрыми министрами, великолѣпнымъ

дворомъ, прославленная современными европейскими ораторами, поэтами, философами, боготворимая подданными, гремѣла доблестями своими во всѣ концы міра. Къ подножію престола Ея спѣшилъ всякой съ посильными талантами, искалъ случая отличиться, и сколько замѣчательныхъ людей явилось тогда на поприщахъ военномъ, гражданскомъ и ученомъ! Сначала главными дѣйствователями въ совѣтѣ Екатерины были: князь Григорій Григорьевичъ Орловъ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ; а на полѣ брани, графъ П. А. Румянцовъ и графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ.

Орловы. Орловы отъ природы одарены были свѣтлымъ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ. Чесменской герой славился своею мужественною красотою. На сановитомъ лицѣ его царствовала спокойная важность, умная улыбка; въ черныхъ

глазахъ выражалась благородная гордость; рѣчь его была пріятная и часто лаконическая; физическія силы его были гигантскія. Оба брата, а съ ними и третій братъ Ѳедоръ Григорьевичъ, посвятили себя военной службѣ. Съ 1762 года, началось возвышеніе Орловыхъ, взысканныхъ милостями Императрицы, и они заняли первое мѣсто у подножія Ея Престола. Послѣ неудачи Фокшанскихъ переговоровъ, князь Орловъ удалился за границу, и хотя снова воротился въ Петербургъ, но не надолго; а братъ его, герой Чесменской, по заключеніи Кучукъ Кайнадржійскаго мира, поселился на житье въ Москвѣ.

Панины. Вмѣстѣ съ Орловыми дѣйствовали Панины, графъ Никита Ивановичъ, какъ первенствующій министръ, управлявшій внѣшними дѣлами, и какъ воспитатель Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, и графъ Петръ

Ивановичъ, покоритель Бендеръ, умный и прямодушный человѣкъ.

Графъ Никита Ивановичъ, умный, просвѣщенный вельможа, назначенъ былъ Императрицею Елисаветою Петровною по части дипломатической, и сначала находился чрезвычайнымъ посланникомъ въ Даніи, а потомъ при шведскомъ дворѣ съ 1748 по 1767 годѣ, когда вызванъ былъ въ Петербургъ, и опредѣленъ воспитателемъ Наслѣдника престола. Опытность въ дипломатическихъ дѣлахъ, необыкновенная дальновидность, твердость характера и благородство души возвысили графа Панина на степень первенствующаго министра, и доставили ему полное довѣріе Монархини. Панинъ упрочилъ связи Россіи съ Пруссіею, съ Швеціею, съ Даніею и съ Англіею; устроилъ первый раздѣлъ Польши, одерживалъ дипломатическія побѣды надъ хитрѣйшимъ

и искуснѣйшимъ дипломатомъ того времени Кауницомъ, и старался всячески укрѣпить дружбу Екатерины съ Фридрихомъ.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, во всю жизнь велъ трудную, но блистательную борьбу не только съ европейскими дипломатами, но и съ многочисленными завистниками своихъ талантовъ и счастія. Благородство души Панина всегда уничтожало козни враговъ, необыкновенная доброта сердца утѣшала тысячи несчастныхъ, защищала угнетенныхъ и подавала помощь погибающимъ; безкорыстіе и щедрость его были безпримѣрны. Когда Наслѣдникъ престола достигъ совершеннолѣтія и вступилъ въ первый бракъ, Императрица осыпала воспитателя Цесаревича своими щедротами: 1) облекла его въ званіе перваго класса, въ рангѣ фельдмаршала, 2) пожаловала 4,512 душъ въ

смоленской, и 3,900 душъ въ псковской губерніяхъ; 3) сто тысячъ на заведеніе дома; 4) серебреный сервизъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей; 5) 25 тысячъ ежегоднаго пенсіона, сверхъ 5 тысячъ жалованья; 6) ежегоднаго жалованья 14,000 рублей; 7) любой домъ въ Петербургѣ; 8) провизіи и винъ на цѣлый годъ; и 9) экипажъ и ливрею придворные. Облагодѣтельствованный вельможа, чуждый корысти, отдалъ своимъ четыремъ секретарямъ 4,000 душъ изъ пожалованныхъ ему Императрицею. Нашлись злые люди, которые истолковали этотъ поступокъ съ другой стороны, и представили Государынѣ совершенно въ превратномъ видѣ. Но Императрица, зная сердце Панина, не внимала клеветамъ враговъ. Въ дѣлахъ важныхъ, требовавшихъ основательнаго сужденія, онъ избѣгалъ поспѣшности, разсматривалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и не рѣдко продолжительно, отъ того

его характеру недоставало живости и пылкости, которыми отличались его соперники, въ особенности графъ Орловъ. Тонкость въ обхожденіи Панина разрушала всѣ замыслы Орлова; и какъ не были мѣтки удары послѣдняго, но заслуги перваго давали имъ сильный отпоръ. Удаленіе Орлова за границу ослабило враговъ Панина, но возвращеніе свѣтлѣйшаго въ Петербургъ снова воскресило ихъ злобу, и оба вельможи явно разсорились, по возникшему въ Совѣтѣ вопросу: какимъ образомъ удовлетворить претензію Фридриха II на Данцигъ? Предложеніе объ уступкѣ Прусіи Данцига, сдѣлано было Орловымъ, увѣрявшимъ, что Фридрихъ обѣщаетъ за то Россіи уступку Австріею части недавно пріобрѣтенныхъ ею отъ Польши земель, и что Австрія будетъ за то вознаграждена отъ Прусіи другою землею. Панинъ понялъ, какую сѣть закиды-

ваетъ прусской Король, и чего добивается Орловъ. Австрія рѣшительно объявила, что никогда не согласится ни на какой обмѣнъ. Этотъ неудовлетворительный отвѣтъ вѣнскаго кабинета приписанъ былъ мнимымъ ковнямъ Панина. Орловъ торжествовалъ. Первенствующій министръ, огорченный несправедливымъ перетолкованіемъ своихъ благонамѣренныхъ мыслей, и видя ослабленіе къ себѣ довѣренности Императрицы, просилъ позволенія удалиться отъ министерскихъ дѣлъ. Злые люди видѣли тучу бѣдъ, нависшую надъ головою Панина; многіе прервали съ нимъ всякія сношенія, боялись говорить, и смотрѣли на него какъ на опальнаго. Но Августѣйшій питомецъ явился къ Державной родительницѣ, и сказалъ съ благородною смѣлостію, что Панинъ всегда служилъ съ пользою отечеству, и весьма несправедливо было бы удалить его отъ двора, въ старости, требующей

успокоенія, а не наказанія. Высокой посредникъ перемѣнилъ мысли Государыни, и слѣдующее письмо краснорѣчиво выражаетъ Монаршую благосклонность къ заслуженному подданному:

Графъ Никита Ивановичь!

Совокупные важные ваши труды въ воспитаніи сына Моего, и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго иностраннаго департамента, которыя вы несли и отправляли съ равнымъ успѣхомъ, толико лѣтъ сряду, часто въ теченіи оныхъ во внутренности сердца Моего возбуждали чувства. Раздѣляя съ вами все бремя, сколько человѣку дано, неизчерпаемыхъ упражненій для пользы Имперіи Моей, по горячему всегдашнему попеченію Моему о благомъ устройствѣ его, Мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещали мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію Мо-

ею вамъ порученныхъ; нынѣ же когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына Моего и Мы, на 19 его году отъ рожденія съ вами дожили до благополучнаго дня брака; то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію, воспитаніе Великаго Князя само собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю при семъ случаѣ изъявить Мое признаніе и благодарность: за всѣ приложенные вами труды и попеченіе о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ природныхъ его дарованій, о коихъ по нѣжности матерней, любви и пристрастію, не Мнѣ пригоже судить. Но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить имѣютъ, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно, окончивъ съ толикимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ Моимъ удовольствіемъ, и пользуясь симъ утѣшеніемъ отъ него вамъ происходящимъ, обратите нынѣ съ добрымъ

духомъ всѣ силы ума вашего по части дѣлъ Имперіи вамъ отъ Меня ввѣренной, и на сихъ дняхъ вновь подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ, желаемый Мною и всѣми, трудный миръ и тишину, дабы дни старости увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ, для благополучія всеобщаго послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченія. Пребываю вѣчно съ отмѣннымъ доброжелательствомъ.»

Окончательное утвержденіе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1775) доставило Россіи вождѣленную тишину. Екатерина, по заключеніи сего мира, сосредоточила все свое вниманіе на необходимости привесть въ исполненіе великую свою мысль о государственномъ устройствѣ, неупуская въ то же время изъ виду мысли о внѣшнемъ могуществѣ Имперіи. Все, что сдѣлано было до сихъ поръ, казалось Ей еще недо-

КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ.

„Не ты ли Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?„

Державинъ.

конченнымъ. Явленіе при дворѣ новаго человѣка поддержало великія предпріятія для усиленія внѣшняго могущества Россіи, съ осуществленіемъ которыхъ должна была произойти перемѣна въ судьбѣ первенствующаго министра, и даже затмиться въ глазахъ современниковъ слава побѣдъ кагульскаго героя. При дворѣ явился Потемкинъ, *сынъ счастія и славы.* Панинъ и Румянцовъ потеряли прежнее свое вліяніе на внѣшнія дѣла.

Кто же былъ Потемкинъ?

Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ль, который зналъ избрать
Достойной подвигъ Росской силѣ,
Стихіи самыя попрать,
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?

Не ты-ль, который орды сильны
Соседей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ Понтъ Черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ,
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ, и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки.

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И опершись на нихъ хотѣлъ
Вознесть ихъ громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?

Потемкинъ, по истинѣ, принадлежитъ къ необыкновеннымъ явленіямъ XVIII вѣка; онъ затмѣвалъ блескомъ славы и счастія всѣхъ современниковъ. Въ теченіи 15 лѣтъ (съ 1776—1791),

«Рѣшитель думъ въ войнѣ и въ мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ».—

«Потемкинъ при жизни не зналъ предѣловъ своимъ замысламъ, не зналъ препятствій ихъ исполненія. Онъ торжествовалъ и на открытомъ полѣ славы, при дворѣ и передъ бивуаками, съ ключемъ камергера и съ жезломъ фельдмаршала. Вездѣ встрѣчалъ онъ только побѣды. Его жизнь была непрерывное тріумфальное шествіе по пути, усыпанному лаврами и миртами, какъ говорили тогдашніе поэты, на благородномъ классическомъ языкѣ. И все соединялось въ одинъ дружный хоръ льстивыхъ поклонниковъ, восторженныхъ энтузіастовъ, все ударяло челомъ любимцу судьбы, все нарекло его избранникомъ судебъ... Нѣмцы называли его великимъ земнороднымъ (der grosse Erdesohn); а Французы «не обыкновеннѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка» (l'homme le plus extraordinaire de son siécle). Между тѣмъ два знаменитѣйшіе вѣнценосца Европы, представители и силы и мысли

того вѣка—Іосифъ и Фридрихъ, оспоривали другъ у друга благосклонность всеподданнѣйшаго слуги русской Царицы: преемникъ цезарей жалъ дружески ему руку; а Великій король снисходительно терпѣлъ, когда онъ для его Чернаго Орла не находилъ на груди своей мѣста» (*).

Григорій Александровичъ Потемкинъ родился въ сентябрѣ 1739 года, въ безвѣстной смоленской деревушкѣ, отъ бѣднаго отставнаго гарнизоннаго маіора. Фамилія Потемкиныхъ была старая, дворянская. Еще въ 1581 году, Ѳедоръ Потемкинъ встрѣтилъ, по повелѣнію Царя Іоанна IV Васильевича, на литовской границѣ извѣстнаго езуита Антонія Поссевина, отправленнаго Папою Григоріемъ XIII для примиренія Польши съ Россіею. Когда въ 1611 году,

---

*) Надеждинъ.

польскій король Сигизмундъ овладѣлъ Смоленскомъ «съ тою вѣстію прибѣжа подъ Москву Юрій Потемкинъ.» При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стольникъ и боровскій намѣстникъ Петръ Ивановичъ Потемкинъ отправленъ былъ (1667) посланникомъ въ Мадритъ, въ Парижъ и Копенгагенъ. Этотъ Потемкинъ извѣстенъ, какъ искусный дипломатъ и какъ строгій блюститель всѣхъ тонкостей дипломатическаго этикета; онъ заставилъ испанскаго короля Карла II спросить о здоровьѣ Царя Алексѣя Михайловича съ непокрытою головою; не принялъ грамоты Людовика XIV съ подчистками въ царскомъ титулѣ, наконецъ когда въ Копенгагенѣ больной Христіернъ V принималъ его лежа въ постелѣ, то и нашъ посолъ не иначе согласился принять эту аудіенцію, какъ лежа: ему принесли постель, и поставили ее рядомъ съ королевской. Сынъ дипломата, Степанъ Петровичъ,

сопровождалъ Петра Великаго въ чужіе края. Впрочемъ неизвѣстно, какая была фамильная связь между этими Потемкиными и отцемъ Григорія Александровича. Отставной гарнизонный маіоръ, по бѣдности своего состоянія, назначилъ сына въ духовное званіе, отдалъ учиться въ смоленскую семинарію и надѣялся рано или поздно видѣть его архіереемъ. Молодой Потемкинъ учился не очень прилежно, но только и твердилъ товарищамъ, что онъ «непремѣнно будетъ архіереемъ.» Некончивъ семинарскаго курса, Потемкинъ поступилъ студентомъ въ московской Университетъ, и все еще пылкое воображеніе его твердило ему, непремѣнно быть архіереемъ или министромъ! Живой умъ, быстрое соображеніе и необыкновенная память давали Потемкину преимущество передъ товарищами, и въ 1756 году

онъ получилъ золотую медаль. (*) Однако, кандидатъ въ министры не кончилъ университетскаго курса, свернулъ съ мірской дороги на духовное поприще; определился въ славяно-греко-латинскую Академію, и здѣсь пристрастился къ богословскимъ изслѣдованіямъ и спорамъ. Эта страсть къ бого-

---

*) Въ доказательство необыкновенной памяти Потемкина разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Потемкинъ желалъ прочесть натуральную исторію Бюфона; но купить ее было ему не на что. Товарищъ его, Афонинъ, на послѣднія деньги купилъ эту дорогую книгу, и далъ ее прочесть Потемкину. Прошло нѣсколько недѣль, и Афонину прискорбно было, когда онъ увидѣлъ, что Потемкинъ только изрѣдка, лежа на постели, перелистываетъ многотомное творение Бюфона, а на конецъ свалилъ всю груду книгъ въ уголъ. Добрякъ Афонинъ слегка замѣтилъ ему такую оскорбительную невнимательность; но каково было удивленіе оскорбленнаго, когда Потемкинъ цѣлыми тирадами читалъ наизусть изъ Бюфона, и почти всего его помнилъ?

словскимъ преніямъ не покидала Потемкина ни подъ громомъ пушекъ, ни среди обольстительной разсѣянности свѣта. Въ Академіи новый пришлецъ скоро былъ замѣченъ архіепископомъ Амвросіемъ, воспріявшимъ мученическую смерть отъ рукъ мятежной черни (въ 1770). Просвѣщенный пастырь видѣлъ всю пылкость души Потемкина, зналъ бойкость его ума, честолюбіе, а потому и совѣтывалъ ему искать не клобука монашескаго, а рыцарскаго шишака. Совѣтъ архипастыря подѣйствовалъ на пылкаго юношу. Амвросій далъ Потемкину 500 рублей на дорогу, и пламенный мечтатель о счастіи и славѣ поскакалъ въ Петербургъ; опредѣлился въ гвардейскій конный полкъ, и въ 1762 году былъ уже вахмистромъ *).

*) Въ послѣдствіи великолѣпный князь Тавриды, обладатель несмѣтныхъ богатствъ, не забывалъ и 500 рублей, данныхъ ему Амвросіемъ на дорогу.

28 іюля 1762 года, конно-гвардейскій вахмистръ Потемкинъ находился въ числѣ всадниковъ, сопровождавшихъ Екатерину, когда Она, въ бранныхъ доспѣхахъ, съ обнаженною шпагою, принимала присягу гвардіи. По странному стеченію обстоятельствъ, у Государыни не было на шпагѣ темляка, который Она пожелала имѣть. Вдругъ все засуетилось; смѣтливый Потемкинъ предупредилъ недогадливыхъ; въ одинъ мигъ сорвалъ съ палаша требуемый темлякъ, далъ шпоры коню своему и поднесъ

При встрѣчахъ съ родственникомъ своего благодѣтеля, извѣстнымъ Н. Н. Бантышъ - Каменскимъ, онъ говаривалъ «что долженъ ему, и постарается заплатить свой долгъ съ процентами.» Говорятъ, что онъ не сдержалъ слова и умеръ не расплатившись съ этимъ долгомъ, — вѣроятно отъ забывчивости, потому что лестный пріемъ своего товарища университетскаго Афонина, въ послѣдствіи впавшаго въ болѣзнь, доказываетъ его признательность къ своимъ первымъ благотворителямъ.

его Императрицѣ; это изумило многихъ, но каково было удивленіе всѣхъ, когда ретивый конь ловкаго, статнаго гвардейца, осаженый предъ Императрицею, заупрямился, сталъ какъ вкопанный въ ту минуту, какъ Потемкинъ хотѣлъ воротиться во фронтъ. Государыня невольно улыбнулась, взглянула на молодаго всадника, спросила объ имени.

На другой день, Потемкинъ былъ пожалованъ подпоручикомъ гвардіи, потомъ камеръ-юнкеромъ и награжденъ 2,000 рублей. Вслѣдъ за тѣмъ его отправили курьеромъ въ Швецію, съ увѣдомленіемъ министра нашего при стокгольмскомъ дворѣ, графа Остермана, о благополучномъ возшествіи на престолъ Екатерины II.

Возвратясь въ Петербургъ, Потемкинъ сблизился тогда съ сильнымъ при

дворѣ Орловымъ, и будучи лично извѣстенъ Императрицѣ, допущенъ въ короткій кругъ ежедневнаго общества Государыни, гдѣ она любила отдыхать отъ царственныхъ трудовъ, слагая съ себя блескъ царскаго величія. Любезность, пріятность молодаго Потемкина сглаживали его недостатки, какъ несовершенно еще свѣтскаго человѣка, едва говорившаго по французски, нагруженнаго болѣе семинарскими фразами, съ тяжелымъ запасомъ школьной учености. На студентской лавкѣ Потемкинъ могъ быть первымъ, но теперь, въ высшемъ обществѣ, скользко ему было на паркетѣ, въ великолѣпныхъ гостиныхъ. Со дня на день Потемкинъ становился опытнѣе, смѣлѣе, не хвасталъ болѣе въ слухъ, но въ головѣ его уже роились замыслы, для осуществленія которыхъ надо было болѣе времени, обстоятельствъ, ласкъ фортуны и открытое поприще *отличій.*

Гвардейскому офицеру и камергеру не доставало внѣшнихъ знаковъ отличій, личныхъ свидѣтелей о внутреннихъ его достоинствахъ. Чинъ дѣйствительнаго камергера и секундъ ротмистра конной гвардіи (1768) неудовлетворили честолюбивой души Потемкина; онъ хотѣлъ не только стать рядомъ съ Орловыми, но взять надъ ними перевѣсъ, опередить ихъ не на дорогѣ счастія, но заслугами на полѣ чести.

Въ 1769 году, Потемкинъ, какъ волонтеръ, въ чинѣ генералъ-маіора, отпущенъ былъ Императрицею въ дѣйствующую армію князя Голицына; успѣлъ отличиться, и за оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣйствіяхъ, утвержденъ въ чинѣ генералъ-маіора. Кампанія 1770 года доставила случай Потемкину показать свою храбрость на бранномъ полѣ. Онъ участвовалъ въ разбитіи 10,000 Турокъ

въ окрестностяхъ Фокшанъ, во взятіи Журжи, въ дѣлѣ при Рябой могилѣ; въ безсмертныхъ побѣдахъ Румянцова на Ларгѣ и Кагулѣ. За это онъ получилъ ордена Св. Анны и Георгія третій степени. Принявъ ключи сдавшагося Измаила, онъ первый занялъ предмѣстье пылавшей Киліи. Въ кампанію 1771 года, Потемкинъ, находясь подъ покровительствомъ Румянцова, начальствовалъ отрядомъ легкихъ войскъ, и вмѣстѣ съ Вейсманомъ партизанилъ на Дунаѣ. Когда фельдмаршалъ снарядилъ небольшую флотилію для разъѣздовъ по Дунаю, то поручилъ ее Потемкину. Смѣльчакъ разъѣзжалъ по Дунаю, воображалъ себя витяземъ Святослава, билъ Турокъ, жегъ прибрежныя селенія съ запасными магазинами и подплывалъ подъ самыя стѣны Силистріи. Чинъ генералъ-поручика былъ наградою за партизанскую удаль. Подвиги Потемкина сдѣлались уже предметомъ

народной молвы; всякой зналъ его имя, удивлялся его побѣдамъ, не смѣлъ завидовать его счастію; въ современныхъ вѣдомостяхъ безпрестанно печаталось о Потемкинѣ; но для молодаго, славолюбиваго генералъ-поручика все это было недостаточно. Возвратиться въ Петербургъ невозможно. Тамъ счастіе Орловыхъ затмѣвало его счастіе, и заступало ему дорогу къ первенству. Время Фокшанскихъ и бухарестскихъ переговоровъ (1772) для Потемкина было тяжко; онъ едва вытерпѣлъ его. Съ 1773 года, возобновилась боевая жизнь Потемкина. Онъ участвовалъ въ переходѣ через Дунай; былъ въ дѣлѣ подъ Селистріей, но съ окончаніемъ кампаніи, не получилъ награды.

Въ мучительной безвѣстности о своей будущности, Потемкинъ не могъ оставаться долѣе въ арміи, и просилъ у графа Румянцова отправить его въ Пе-

тербургъ съ первымъ извѣстіемъ о побѣдѣ. Прибывъ въ Петербургъ, Потемкинъ имѣлъ смѣлость обратиться къ Императрицѣ съ письмомъ (27 февраля 1774 года), въ которомъ всеподданническая преданность соединялась съ самой простодушной откровенностію, на счетъ его заслугъ и огорченія. «Всемилостивѣйшая Государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для службы Вашей, не щадилъ ея отнюдь, гдѣ только былъ случай къ прославленію Высочайшаго имени. Сіе поставя простымъ долгомъ, не мыслилъ никогда о своемъ состояніи и если видѣлъ, что мое усердіе соотвѣтствовало Вашего Императорскаго Величества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ. Находясь почти съ самаго вступленія въ армію командиромъ отдѣленныхъ и къ непріятелю всегда близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному всевозможнаго вреда: въ чемъ ссылаюсь на командующаго армі-

ею и на самихъ-Турокъ. Отнюдь не побуждаемъ я завистію къ тѣмъ, кои моложе меня, но получили знаки Высочайшей милости, а тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь ли я въ мысляхъ Вашего Величества меньше прочихъ достоинъ? Симъ будучи терзаемъ, принялъ дерзновеніе, павъ къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, просить, ежели служба моя достойна вашего благоволенія и когда щедрота и Высокомонаршая милость ко мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня въ генералъ-адъютанты Вашего Императорскаго Величества. Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что, находясь подъ особливымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, удостоюсь принимать премудрыя ваши повелѣнія и, вникая въ оныя, сдѣлаюсь вяще способнымъ къ

службѣ Вашего Императорскаго Величества и отечества.» На другой день Потемкинъ удостоился получить слѣдующій отвѣтъ: «Господинъ генералъ-поручикъ! Письмо ваше г. Стрекаловъ мнѣ сего утра вручилъ, и я просьбу вашу нашла столь умѣренною въ разсужденіи заслугъ вашихъ, мнѣ и отечеству учиненныхъ, что я приказала изготовить указъ о пожалованіи васъ генералъ-адъютантомъ. Признаюсь, что и сіе мнѣ весьма пріятно, что довѣренность ваша ко мнѣ была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко мнѣ, а не искали побочными дорогами. Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательная» Екатерина.» Вскорѣ новый генералъ-адъютантъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго; по прежнему являлся при дворѣ, по прежнему находился въ приближенномъ къ Императрицѣ кругу. Вдругъ Потемкинъ перемѣнился: сдѣлался нело-

димомъ; пересталъ являться ко двору, не показывался въ обществѣ; и съ шумнаго мятежнаго мірскаго позорища, удалился въ тихое, пристанище отшельниковъ міра сего, въ Александро-Невскую обитель. Здѣсь, за монастырскою оградою, въ мирной келіи, поселился искатель чудныхъ приключеній, славолюбивый мужъ войны, своенравный баловень счастія. Сбросивъ съ себя всѣ пышные знаки земной величавости, въ черной рясѣ, опоясанный кожанымъ ремнемъ, съ смиреннымъ благоговѣніемъ и умиленіемъ въ душѣ, пѣлъ онъ на клиросѣ хвалебную пѣснь Богу, и читалъ божественные псалмы среди храма Господня. Отрекшись отъ суетъ міра, смиренный богомолецъ чуждался людей, бесѣдовалъ только съ монашествующею братіею о душеспасительныхъ предметахъ, о бурномъ морѣ житейскихъ страстей, о единомъ тихомъ, безмятеж-

номъ пристанищѣ. Что же понудило Потемкина къ быстрому переходу отъ шумнаго важнаго поприща блестящей жизни къ скромной, однообразной тишинѣ монастырской? Было ли то тяжкое утомленіе отъ суетъ мірскихъ, или уже онъ испилъ всю чашу счастія? Безотрадное ли горе или тяжкій грѣхъ убивали его? Или ему хотѣлось, непремѣнно быть архіереемъ, о чемъ онъ нѣкогда мечталъ въ семинаріи и въ университетѣ. Все это не разгадано и осталось подъ непроницаемою завѣсою для современниковъ и для потомства! Потемкинъ умеръ для міра, но не надолго. Мрачный отшельникъ скоро покинулъ свою келью, сбрилъ бороду, скинулъ власяницу и снова явился на позорищѣ свѣта! Отсюда начинается быстрое возвышеніе Потемкина. Благоволеніе и довѣренность къ нему Императрицѣ были безпредѣльны; съ тѣхъ поръ въ теченіи 15 лѣтъ,

ни одного важнаго дѣла Она не предпринимала безъ его совѣта. Екатерина постигла, угаданный еще Амвросіемъ, и свѣтлый, всеобъемлющій, глубокій умъ его, который соображалъ легко труднѣйшіе соотношенія, и живую, безстрашную душу, но гордую, безъ малѣйшей злобы, и пламенное воображеніе, безпрестанно творившее новыя, плѣнительныя предположенія, и смѣлую, отважную предпріимчивость, и страсть его со всѣмъ бороться, и безпредѣльную преданность къ престолу и отечеству за которые готовъ былъ положить животъ свой. Дѣйствительно, доблести Потемкина уничтожали слабые недостатки его, какъ человѣка. Неограниченное честолюбіе его не знало предѣловъ, расточительность была неимовѣрная; причуды болѣе странныя, нежели смѣшныя; временная бездѣятельность не понятна. Любимецъ счастія быстро пошелъ съ 1774 года по пути почестей. Потемкинъ

былъ произведенъ въ генералъ аншефы, сдѣланъ вице-президентомъ военной коллегіи, пожалованъ въ подполковники лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и украшенъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, а въ 1775 году Георгіемъ второй степени, за подвиги противъ Турокъ въ прошедшую компанію; и тогда же назначенъ генералъ-губернаторомъ новороссійской и азовской губерній, съ властію и преимуществами царскаго намѣстника. Во время торжества Кучукъ Кайнарджійскаго міра, возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи, за храбрость получилъ шпагу, осыпанную алмазами; въ знакъ Монаршаго благоволенія портретъ Императрицы, для ношенія на груди. Въ 1776 году, Государыня произвела его въ поручики кавалергардскаго корпуса, и доставила ему княжеское достоинство священной Римской Имперіи съ титуломъ «Свѣтлѣйшаго, которое даровалъ

ему императоръ Іосифъ II, дважды отказывавшій своей матери, Маріи Терезіи, когда она ходатайствовала предъ нимъ за двухъ достойныхъ особъ. Фридрихъ Великій прислалъ ему обоихъ своихъ орловъ, Краснаго и Чернаго, поручивъ послѣдній возложить на него брату своему Принцу Генриху. Отъ Польши онъ имѣлъ Бѣлаго орла и Станислава, отъ Даніи Слона, отъ Швеціи Серафима, и только Золотаго Руна, Св. Духа и Голубой Подвязки не видно было на груди Потемкина. Первыми двумя орденами нельзя было украсить его потому, что статутомъ оныхъ поставлялось католическое исповѣданіе; а послѣдній ограничивался весьма малымъ числомъ Англійскихъ кавалеровъ.

Такимъ образомъ, съ 1775 года Потемкинъ рѣшительно взялъ перевѣсъ надъ княземъ Орловымъ, надъ Панинымъ, надъ Румянцовымъ.

Однакожъ поприще его самостоятельной дѣятельности было еще впереди; теперь же, въ упоеніи счастія онъ только мечталъ о великой мысли, родившейся среди снѣжныхъ Сибирскихъ пустынь, въ дымной Пелымской юртѣ, въ головѣ Миниха, который, возвратясь на Божій свѣтъ милостію Екатерины, повергъ «къ стопамъ ея мечту, взлелѣянную имъ» въ двадцатилѣтней ссылкѣ: очистить Европу отъ Мусульманъ и возстановить Греческую Имперію. Миниха давно уже не было въ живыхъ, (1766) но мысль его о греческомъ проэктѣ плѣняла Императрицу, очаровала Потемкина, и въ туманной дали рисовала ему славу побѣдъ.

—

VIII.

Блистательное окончаніе первой турецкой войны распространило по Евро-

нѣ всеобщую молву о предположеніи Екатерины, сокрушить Мусульманъ, изгнать ихъ изъ предѣловъ Христіанскаго міра, и на развалинахъ Порты, *воскресить Грецію*. Впрочемъ, сама Европа два съ половиною вѣка мечтала объ изгнаніи Турокъ, мысленно собирала громадныя полчища подъ знамя креста, но съ половины XVIII столѣтія, мысли Европейцевъ о Портѣ перемѣнились; расчетъ набожности смѣнился политическимъ расчетомъ. Турція стала слѣпымъ орудіемъ европейскихъ державъ, когда онѣ враждовали между собою. Такъ Фридрихъ II, пораженный подъ Кунерсдорфомъ, просилъ ея помощи; такъ Франція вооружила ее противъ Россіи, чтобъ спасти Польшу, и самая заклятая ея соперница, Австрія, испуганная побѣдами Румянцова, готова была вступить съ нею въ тѣсный союзъ. Словомъ, существованіе Турціи считалось теперь

необходимостью для поддержанія политическаго равновѣсія въ политической системѣ; но совершенно иначе думала о ней Екатерина.

Кайнарджійскій миръ, освободивъ Татаръ отъ власти Султана, открывъ русскимъ кораблямъ Черное море и давъ право Россіи покровительствовать единовѣрнымъ ей народамъ, греческимъ и славянскимъ, служилъ предверіемъ къ осуществленію *греческаго проэкта*. Такое гигантское предпріятіе не могло совершиться вдругъ, подъ вліяніемъ первыхъ порывовъ возбужденнаго имъ восторга, который неподчиняется никакимъ политическимъ отношеніямъ. Для исполненія его необходимо было прежде всего склонить на сторону Россіи первенствующія государства Европы, въ особенности Австрію, сопредѣльную Россіи и Турціи. При томъ вѣнской кабинетъ, постоянно изобрѣталъ разныя

средства недопускать Россію до внѣшняго усиленія, и старался всячески отвлечь отъ союза съ нею Пруссію, а между тѣмъ самъ затѣвалъ нарушить тишину Европы, и возвратить свои недавнія утраты.

Графъ Панинъ ясно видѣлъ двусмысленныя отношенія Австріи къ Россіи, и потому старался поддержать дружбу Екатерины съ Фридрихомъ. Непредвидѣнный случай, казалось, еще болѣе долженъ былъ разорвать связи двухъ имперій, и чрезъ то показать несбыточность греческаго проэкта, отъ исполненія котораго постоянно отвлекалъ Панинъ Императрицу. Разрывъ съ Австріею былъ неизбѣженъ.

Въ концѣ 1777 года, осиротѣлъ баварскій престолъ. По смерти бездѣтнаго курфирста Максимиліана Іосифа, пресѣклась линія, царствовавшая въ Ба-

варіи, которая теперь должна была перейти по родственнымъ связямъ къ курфирсту пфальцкому, Карлу Теодору, главѣ старшей вительбахской линіи. Австрія давно мечтала о присоединеніи Баваріи. Система округленія, рѣзкій отпечатокъ XVIII вѣка, снова явилась на сцену. Иррегулярная форма Австріи, отъ потери Силезіи, могла принять другой, болѣе правильной видъ отъ пріобрѣтенія Баваріи. Удивительная страсть прошедшаго вѣка дѣлать царства, увеличивать благоденствіе ихъ разсчитаннымъ числомъ квадратныхъ миль поземельнаго пространства и народонаселенія! Вѣнскій кабинетъ привелъ въ дѣйствіе всѣ свои пружины, принудилъ Карла Теодора къ уступкѣ своихъ правъ на баварское наслѣдство (1778). Послѣ того вся нижняя Баварія занята была австрійскими войсками. Такой смѣлый поступокъ обратилъ на себя вниманіе цѣлой Европы. Австрія,

ревностная поборница системы равновѣсія, не замѣчала, что сама ее нарушаетъ, черезъ чуръ смѣло распоряжаясь судьбою независимаго государства, и готовитъ паденіе императорской конституціи. Другія державы были тогда заняты своими дѣлами. Франція боролась въ Америкѣ съ Англіею, и притомъ находилась въ кровномъ родствѣ съ Австріею; дофинъ Людовикъ, былъ женатъ на Австрійской принцессѣ Антуанетѣ. Россія обдумывала греческій проэктъ. Англія боялась потерять свои колоніи. Одна Пруссія грозно стояла на стражѣ политическаго равновѣсія Европы и спасенія независимости самостоятельныхъ частей Германіи, которой была представительницею. Фридриху надлежало защищать не одну Баварію, но самаго себя, и созданную имъ европейскую систему, какъ плоды слишкомъ 30 лѣтнихъ его царственныхъ трудовъ. Къ нему то обра-

тился герцогъ цвейбрикенскій, ближайшій наслѣдникъ Баваріи и Пфальца, по смерти Карла Теодора. Напрасно герцогъ цвейбрикенскій и Фридрихъ вели переговоры съ вѣнскимъ кабинетомъ; видя наконецъ безуспѣшность оныхъ, они вооружились; прусскія войска напали на Богемію. Австрія также вооруженною рукою начала отстаивать мнимое свое пріобрѣтеніе: война готова была вспыхнуть. Марія Терезія, чтобъ отвратить неминуемую грозу, обратилась къ посредничеству Россіи и Франціи, и возобновила переписку съ Фридрихомъ. Скоро дѣло о баварскомъ наслѣдствѣ рѣшилось на тешенскомъ конгрессѣ (1779). Двуличныя дѣйствія Франціи понудили Екатерину рѣшительно требовать, чтобы Австрія отказалась отъ Баваріи, въ противномъ случаѣ, на основаніи заключеннаго договора съ Фридрихомъ, русскія войска соединятся съ прусскими для защиты

справедливости. Баварія была возвращена Карлу Теодору, а онъ уступилъ Австріи не большой участокъ земли, между Инномъ и Дунаемъ. —

Такъ далека была искренность дружбы Россіи и Австріи; сближеніе двухъ монархій казалось невозможнымъ, а исполненіе греческаго проэкта невѣроятнымъ. Вышло, однакожъ, совершенно иначе!

Восемнадцатый вѣкъ безпрестанно творилъ проэкты, одинъ другаго замысловатѣе. Неудачная попытка вѣнскаго кабинета пріобрѣсть Баварію не лишила его надежды, если не на даровое пріобрѣтеніе, то на мѣновое. Императоръ Іосифъ II, создалъ баварскій мѣновой проэктъ, предложивъ Карлу Теодору большую часть австрійскихъ Нидерландъ съ титломъ бургундскаго королевства, въ обмѣнъ на Баварію съ верх-

нимъ Пфальцомъ. Карлъ Теодоръ соглашался; все было улажено; надобно было опасаться противодѣйствія Фридриха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Екатерины. Политическое равновѣсіе Европы и существованіе германской конституціи никакъ не допускало соединенія Австріи съ Баваріею, дѣлало тѣмъ опаснѣе это соединеніе, по соприкосновенію чрезъ то уже сильнаго государства съ Франціею, а разстроить пятнадцатилѣтнее дружелюбное отношеніе Россіи къ Пруссіи казалось дѣломъ невозможнымъ. Фридрихъ II усердно помогалъ Екатеринѣ и въ дѣлахъ Польши и въ дѣлахъ Турціи; 15 лѣтъ стоялъ на вооруженной ногѣ за Россію противъ враговъ ея, Швеціи и Австріи; по договору платилъ огромныя суммы за военныя издержки; пользовался уваженіемъ Императрицы, и кромѣ того имѣлъ за себя ходатая у престола ея, въ лицѣ Панина. Такова была, по видимому,

прочность союза Пруссіи съ Россіею, и чтобъ разорвать его надлежало употребить много усилій. Это видно изъ того, что Іосифъ, воспитанный въ дипломатическихъ хитростяхъ Кауница, рѣшился лично видѣться съ Императрицею; преемникъ Цезарей искалъ благосклонности Екатерины и ея вельможъ, въ особенности Потемкина, уже давно бравшаго перевѣсъ надъ Панинымъ. Фридрихъ II это предвидѣлъ, и еще во время баварской войны льстилъ Потемкину герцогскою короною Курляндіи; но Потемкинъ остался вѣрнымъ слугою Русской Царицы; употреблялъ всѣ силы сблизиться съ вѣнскимъ двором, принудить его участвовать въ греческомъ проэктѣ, а успѣхъ казался тѣмъ вѣроятнѣе, что Фридриху уже прежде отказано было въ составленномъ имъ планѣ о раздѣлѣ Швеціи: Финляндію присоединить къ Россіи, Помера-

нію къ Пруссіи, а Швецію и Любекъ къ Даніи.

Когда Екатерина отправилась (1780) для обозрѣнія Бѣлоруссіи, Іосифъ предложилъ имѣть съ нею свиданіе. Это свиданіе происходило въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, откуда Іосифъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, сопровождалъ Государыню въ путешествіи по Бѣлоруссіи, и чрезъ Москву прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь графъ Фалькенштейнъ, блиставшій просвѣщеннымъ умомъ, многосторонними свѣдѣніями, и утонченною обходительностію, расположилъ въ свою пользу Императрицу и ея Дворъ. Одинъ только Панинъ представлялъ Іосифа, и не безъ основанія, государемъ честолюбивымъ, скрывавшимъ подъ маскою простоты, самые хитрые планы, неуступающіе планамъ его образователя въ политическихъ тонкостяхъ, Кауница. Но Государыня, видя

блестящіе таланты Іосифа, его преданность къ ней, ласково разсталась съ державнымъ гостемъ, увѣрила его въ искренней дружбѣ. Это было громовымъ ударомъ для Фридриха. Онъ спѣшилъ разстроить союзъ Екатерины съ Іосифомъ; отправилъ въ Петербургъ племянника своего, наслѣднаго принца Фридриха Вильгельма, который хотя и былъ принятъ при Дворѣ Императрицы со всѣми знаками отличнаго уваженія; но отпущенъ обратно съ холодною учтивостію.

Для исполненія греческаго проэкта, Россія болѣе нуждалась въ дружбѣ Австріи, чѣмъ въ отношеніяхъ Прусіи, и мысль объ этомъ проэктѣ сдѣлалась любимою мечтою Потемкина, начертывавшаго планъ завоеванія Константинополя. Между тѣмъ, графъ Панинъ составлялъ другой проэктъ о *вооруженномъ нейтралитетѣ.*

Панинъ, долголѣтнею своею опытностію въ дѣлахъ политики, своимъ обширнымъ умомъ, вполнѣ постигалъ несбыточность греческаго проэкта, провидѣлъ, что отъ этого возгорится всеобщая война, что дружба съ Пруссіею непремѣнно разорвется, что на Австрію полагаться невозможно, и отъ того всячески старался обратить вниманіе Екатерины на дѣло, имѣвшее большую прочность славы Ея собственной, блага не только Россіи, но цѣлой Европы. Европа требовала помощи у мощной Русской Царицы, не разъ рѣшавшей важнѣйшіе спорные вопросы.

Съ тѣхъ поръ, какъ европейская торговля распространилась по всѣмъ морямъ, и предпріимчивые мореходцы пускались подъ отечественными флагами съ богатыми грузами во всѣ концы свѣта, политическія отношенія европейскихъ государствъ нерѣдко измѣня-

лись отъ споровъ на морѣ, преимущественно за выгоды торговли и обладаніе выгодною для укрѣпленія мѣстностію. Часто, во время войны между морскими державами, корабль, принадлежавшій державѣ, неучаствовавшей въ войнѣ, не могъ обезпечивать своего груза. Такъ напримѣръ, когда воевала Франція съ Голландіею или Испаніею, то Англія постоянно требовала, чтобы ея корабли, свободно ходили по всѣмъ морямъ и безбоязненно останавливались въ гаваняхъ, какъ воюющихъ такъ и мирныхъ державъ; но чаще бывало, что таже Англія, если воевала съ какимъ нибудь государствомъ, всячески старалась пресѣчь ему морскіе пути къ торговлѣ съ другими государствами, объявляла его гавани въ блокадѣ и останавливала шедшіе въ нихъ корабли съ грузами мирныхъ державъ, подъ предлогомъ мнимой утайки, подъ чужимъ флагомъ, военной контробан-

ды. Разумѣется все это происходило отъ несовершенства политическихъ отношеній, также отъ неясности торговыхъ договоровъ, и темнаго толкованія слова: *контробанда.* Подъ этимъ словомъ разумѣли не только оружіе, но все что можетъ быть необходимо для войска: хлѣбъ, одежда и т. д. Давно уже благонамѣренные политики видѣли необходимость обезпечивать неприкосновенность корабля съ грузомъ нейтральной державы, во время войны другихъ морскихъ державъ; спасать его не силою оружія, но святостію договора. Въ особенности торговля много терпѣла отъ небезопасности неутральнаго флага во время сѣверо-американской войны, въ которой участвовала вся западная Европа.

Такимъ образомъ, когда горѣла сѣверо-американская война, два русскіе корабля, шедшіе съ торговымъ грузомъ,

съ хлѣбомъ, въ Средиземное море, захвачены были Испанцами, подъ тѣмъ предлогомъ, что хлѣбъ назначенъ былъ для Англичанъ, защищавшихъ свой Гибралтаръ. Такое самоуправство испанскаго правительства оскорбило Екатерину, и Она немедленно готова была вооруженною рукою требовать отъ Испаніи справедливаго удовлетворенія. Между тѣмъ кавалеръ Гаррисъ, находившійся при санктпетербургскомъ Дворѣ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ лондонскаго Двора, имѣлъ порученіе, при благопріятномъ случаѣ, просить Императрицу принять участіе въ сѣверо-американской войнѣ, и вооруженнымъ посредничествомъ склонить воюющія державы къ миру, болѣе выгодному для Англіи, уже терявшей свои богатыя колоніи въ Америкѣ, угрожаемой съ одной стороны Франціею, Испаніею, Голландіею, съ другой разрывомъ съ Пруссіею и Даніею. Гаррисъ дѣйствовалъ чрез-

вычайно искусно; онъ успѣлъ склонить на свою сторону Потемкина, обѣщая ему содѣйствіе Англіи въ исполненіи греческаго проэкта. Сближеніе Россіи съ Англіею было для Потемкина необходимостію, но графъ Панинъ далъ другое направленіе политикѣ санктпетербургскаго кабинета, когда Императрица повелѣла разсмотрѣть столь важное дѣло въ совѣтѣ. Не задолго передъ сімъ, Панинъ писалъ къ Императрицѣ: «слабость здоровья не истребила во мнѣ любви къ отечеству. Предполагаемый союзъ вреденъ для пользы Россіи. Въ Европѣ скажутъ, что отъ боязни соединилась Россія съ Англіею. Одно слово Екатерины дѣлало перевѣсъ въ Европѣ. Для соблюденія общей тишины надобно не пособіе, но одно посредничество Екатерины.» Графъ Панинъ, отклонивъ предложеніе Гарриса, составилъ планъ вооруженнаго нейтралитета, поднесъ его Императрицѣ, представивъ какое

вредное вліяніе имѣетъ самоуправство морскихъ державъ, когда нейтральные корабли ничѣмъ не обезпечиваютъ свой флагъ и свой грузъ.

Екатерина поручила Панину сообщить кабинетамъ лондонскому, версальскому, мадритскому, стокгольмскому и копенгагенскому проэктъ вооруженнаго нейтралитета. Императрица повелѣла въ то же время объявить, что во время турецкой войны, Россія не нарушала ни чьихъ правъ нейтральной торговли, а между тѣмъ, въ настоящую войну, русскій флагъ оскорбленъ, и теперь Она находится въ необходимости, вооружиться для охраненія чести своего флага и собственности подданныхъ, и что правила вооруженнаго нейтралитета принятаго Ею, и торжественно обнародываемыя, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Нейтральные корабли могутъ свободно ходить изъ порта въ

портъ, и приставать къ берегамъ воюющихъ державъ; 2) товары воюющихъ народовъ на корабляхъ, подъ нейтральнымъ флагомъ, должны быть неприкосновенны, кромѣ контробандныхъ. 3) Контробандою почитаются военные снаряды и оружіе т, е. порохъ, бомбы, ядра, ружья и съѣстные припасы, могущіе служить непріятелю подкрѣпленіемъ въ военныхъ его дѣйствіяхъ. 4) Гавань только тогда считается въ блокадѣ, когда входъ въ оную небезопасенъ, будучи запертъ непріятельскими кораблями, и 5) законнымъ призомъ признается одна контробанда.

Европейскія державы съ торжествомъ приняли декларацію о вооруженномъ нейтралитетѣ, и вслѣдъ одна за другою, заключали союзъ съ Россіею, сначала въ 1780 году Данія, потомъ Швеція, Голландія, затѣмъ въ 1781 году, Пруссія, Франція и Австрія; въ 1782

году Португалія, а наконецъ въ 1783 королевство обѣихъ Сицилій. Одна Англія двусмысленно отвѣчала на эту декларацію, именно, что она не отвергаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непризнаетъ оной, но всегда оказывала и будетъ оказывать уваженіе къ русскому флагу. Такъ Екатерина благотворила всей Европѣ, и голосъ Ея уважался во всѣхъ странахъ образованныхъ народовъ. Впрочемъ Европа недолго пользовалась плодами благотворныхъ правилъ вооруженнаго нейтралитета, болѣе необходимаго въ военное время.

Существенная польза вооруженнаго нейтралитета зависѣла совершенно отъ временныхъ отношеній государствъ. Между тѣмъ греческій проэктъ не терялъ въ глазахъ Екатерины своей очаровательной прелести, и Императрица отдала на разсмотрѣніе совѣта: можно

ли приступить къ завоеванію Константинополя?

Графъ Панинъ первый возразилъ противъ представленія князя Потемкина о возможности возстановленія греческой Имперіи; онъ доказывалъ, что вся Европа возстанетъ тогда на Россію, что плоды завоеваній будутъ непрочны, и что уже сильному государству не нужны завоеванія. Но большинство голосовъ въ совѣтѣ было на сторонѣ Потемкина. Разогоряченный Панинъ удалился отъ дѣлъ, вскорѣ заболѣлъ и три года находился внѣ службы, все еще взыскиваемый милостями Императрицы. 31 марта 1783 года, онъ кончилъ свое многотрудное дипломатическое поприще, и умеръ на рукахъ Августѣйшаго своего питомца, который питалъ къ нему нѣжную привязанность, полное уваженіе, какъ къ наставнику, руководившему его благи-

ми совѣтами въ напутствіе царственной жизни. Какъ глубоко проникнута была горестью душа царственнаго нитомца о потерѣ наставника, можно видѣть изъ письма Великаго Князя къ митрополиту Платону:

«Ваше Преосвященство!

Уже извѣстно Вашему Преосвященству о постигшей насъ печали, о смерти графа Никиты Ивановича Панина. Извѣстны вы и о всемъ томъ, чѣмъ я ему одолженъ, слѣдственно и обязательствахъ моихъ, въ разсужденіи его. Я привязанъ по долгу и удостовѣренію къ закону, и не сомнѣваюсь, что получающему награжденіе въ той жизни за добродѣтели, всеконечно отрада и покой; но поелику, души остающіяся еще со слабостями тѣла соединены, то нельзя намъ не чувствовать печали отъ

разлуки: раздѣлите оную со мною, какъ съ другомъ вашимъ.»

По смерти Панина, мѣсто его занялъ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, раздѣлявшій съ Потемкинымъ возможность осуществленія греческаго проэкта, для чего сначала необходимо было овладѣть Крымомъ, утвердиться на берегахъ Чернаго моря, и отсюда шагнуть къ Царюграду.

—

IX.

Крымъ со всѣмъ своимъ татарскимъ населеніемъ объявленъ былъ, по силѣ кучукъ-кайнарджійскаго договора, независимымъ, какъ отъ Россіи, такъ и отъ Турціи. Ханъ избирался народомъ изъ фамиліи Хаджи-Гирея, потомка Чингиза, давалъ знать и Рос-

сіи и Турціи о своемъ избраніи получалъ отъ султана, какъ отъ мусульманскаго владыки, духовное благословеніе, и въ придачу обычные знаки своего достоинства: соболиную шубу, чалму и саблю; но управлялъ народомъ безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Независимость Крыма была впрочемъ пустая мечта, скоро изчезнувшая какъ дымъ. Крымскій полуостровъ давно могъ быть присоединенъ къ Россіи, но часъ присоединенія его не пробилъ! Давно уже донскіе Козаки предлагали свои услуги завоевать татарскій полуостровъ, еще Іоанну IV и Михаилу; еще Петръ Великій налалагалъ на него свою мощную десницу; еще раздавались на немъ побѣды Миниха. Судьба отсрочивала день смерти послѣдняго обломка орды Чингизовой. Призракъ азіятской Орды напоминалъ о тѣхъ тяжкихъ временахъ, когда былъ порабощенъ востокъ Европы и когда

въ неописанномъ страхѣ, ожидалъ того-же весь западъ. Времена сіи давно канули въ вѣчность; истлѣли и остатки царства Чингизова въ составныхъ частяхъ Россіи; Русское царство упиралось, съ одной стороны, въ берега Восточнаго моря, съ другой Ледовитаго, съ третьей Балтійскаго, съ четвертой оно должно было примкнуть къ Черному.

Дорога къ Крыму лежала чрезъ дикую степь, раскинутую на необозримое пространство, чрезъ мѣста почти безлюдныя, или кое-гдѣ обитаемыя разными племенами, оставшимися тамъ отъ давнихъ временъ переходовъ азіятскихъ народовъ, наводнявшихъ Европу. Потемкинъ оживилъ мертвую степь, которая тянулась по обѣимъ сторонамъ днѣпровскаго низовья, отъ сѣвернаго Донца до южнаго Буга и, огибая Крымъ, упиралась въ Черное море Керчью и

Кинбурномъ. Съ одной стороны, врывались въ нее хищные Крымцы, съ другой буйные Запорожцы. Весь край раздѣлился на двѣ губерніи: собственно Новороссійскую и Азовскую. Сначала уничтожена была запорожская сѣчь, какъ притонъ грабежей и разбоя, лежавшій въ пространствѣ между двумя новоучрежденными губерніями; потомъ надобно было весь Новороссійской край заселить, обстроить, защитить крѣпостями, пристанями: сдѣлать его оплотомъ Россіи и вратами ко входу въ Крымъ, а отсюда и далѣе, къ Царюграду. Потемкинъ осматривалъ все свое намѣстничество въ 1779 году, но жилъ постоянно въ Петербургѣ, за 2,000 верстъ отъ ввѣреннаго его попечительству края. Сначала онъ мало удѣлялъ для него надлежащей дѣятельности, которая развернулась въ полной силѣ, при его всеобъемлющемъ умѣ, не прежде 1780 года. На призывный его го-

лось, быстро хлынули въ безлюдный край поселенцы со всѣхъ концевъ: Греки съ архипелажскихъ островов, Армяне изъ Крыма и изъ подъ Кавказья, Итальянцы изъ Лукки, съ Корсики и Минорки; Нѣмцы изъ Эльбингена и Данцига, Шведы съ острова Даго, Калмыки изъ уральскихъ степей, Цыгане изъ Бессарабіи и Подоліи; большая часть Запорожцевъ, не задолго передъ тѣмъ бѣжавшіе за границу, возвращались на старое пепелище. Селенія, города возникали, поля тучнѣли плодородіемъ; Херсонъ красовался мачтами кораблей, выстроенныхъ на его верфи. Независимость Крыма висѣла на волоскѣ, и сами Татары не могли ее поддержать. Они раздѣлились на двѣ враждебныя партіи: русскую и турецкую.

Началось тѣмъ, что Ханъ Сагибъ-Гирей, слишкомъ ревностно привязан-

ный къ чужеземнымъ обычаямъ и слишкомъ много усердствовавшій Россіи, вооружилъ противъ себя турецкую партію, и не могъ сладить съ мятежниками. Они лишили его власти, поставили на мѣсто его Девлетъ Гирея, присяжника порты, отъявленнаго врага Россіи. Сагибъ едва спасся бѣгствомъ, и просилъ убѣжища у Екатерины. Эта первая мятежная вспышка побудила Императрицу отправить (1776) въ Крымъ нѣсколько полковъ, ввѣренныхъ Суворову, въ подкрѣпленіе князя Прозоровскаго, начальствовавшаго войсками, расположенными на южной границѣ. Девлетъ не устоялъ; бѣжалъ въ Турцію; но и Сагибъ не былъ счастливѣе его. Мурзы провозгласили ханомъ Шагинъ Гирея, человѣка ничтожнаго, легкомысленнаго, вѣтренаго, которымъ управлялъ всякой, кто хотѣлъ. Впрочемъ, онъ былъ изъ партіи, преданной Императрицѣ.

Турція не признавала его ханомъ; выставила противъ него Селимъ-Гирея, и тогда началась кровавая рѣзня. Суворовъ поддерживалъ Шагиня, уничтожилъ замыслы Селима, и занялъ главные города полуострова. Встревоженый султанъ вывелъ въ Черное море значительную эскадру, съ десантнымъ войскомъ, подъ начальствомъ Гассанъ-Бея, и велѣлъ ему сдѣлать высадку на южномъ берегу Крыма. Такое вооруженіе не представляло для Россіи опасности. По Днѣпру была расположена шестидесяти тысячная русская армія, подъ начальствомъ графа Румянцова Задунайскаго; и по первому призыву всѣ силы могли грянуть на Дунай. Суворовъ препятствовалъ Туркамъ дѣлать высадки; встрѣчалъ ихъ всюду съ оружіемъ въ рукахъ, готовый къ бою. Наконецъ Гассанъ-Бей объявилъ Суворову, что Русскіе не имѣютъ права быть въ Крыму, и еще менѣе имѣть флотъ въ Черномъ

морѣ, принадлежащемъ Султану. Корабли наши въ посланіи Гассанъ-Бея названы *корсарными*. Суворовъ письменно отвѣчалъ капитанъ-пашѣ, что крымское правительство испросило у Государыни Императрицы россійскія войска, и не имѣетъ болѣе нужды въ турецкой помощи, что россійской флотъ плаваетъ по Черному морю для охраненія безопасности полуострова. Что же касается до названія, которое даетъ начальникъ флота симъ кораблемъ, то о семъ будетъ донесено Султану, союзнику россійскому, которому онъ будетъ за то отвѣчать. Война была неизбѣжна, но на этотъ разъ отклонила ее Франція, для которой Турція всегда служила слѣпымъ орудіемъ политическихъ интригъ. Франція, со времени составленія вооруженнаго нейтралитета, дорожила дружбою Россіи, тѣмъ болѣе, что надѣялась отъ нея получить содѣйствіе въ колоніяльной войнѣ съ

Англіею, и немедленно убѣдила Турцію признать Шагинъ-Гирея ханомъ. Послѣ того подтверждены были условія кучукъ-кайнарджійскаго мира, и русскія войска очистили Крымъ (1779).

Но Татары не могли управиться съ своею независимостію. Буйное своеволіе мурзъ, легкомысленность хана, вражда его съ родными братьями, козни турецкихъ агентовъ безпрестанно волновали смутами и безначаліемъ весь полуостровъ. Вдругъ въ 1782 году вспыхнулъ повсемѣстный мятежъ. Малодушный Шагинъ бѣжалъ въ Херсонъ, подъ защиту жившаго тамъ Потемкина. Турки заняли Тамань. Потемкинъ немедленно двинулъ шесть корпусовъ для занятія всего Крыма и прилежащей страны кубанской, и вытѣснилъ оттуда Турокъ. Шагинъ между тѣмъ сложилъ съ себя ханское достоинство, и переѣхалъ на житье, сначала въ Воро-

нежъ, а оттуда въ Петербургъ; потомъ онъ удалился въ Турцію, и тамъ погибъ насильственною смертію. Крымскіе и нагайскіе Мурзы присягнули на вѣчное подданство Екатерины (1783).

Весь крымскій полуостровъ присоединился къ Россійской Имперіи (1783). Это присоединеніе было слѣдствіемъ рѣшительныхъ дѣйствій Потемкина и благоразумныхъ переговоровъ тогдашняго дипломата, графа А. А. Безбородко, замѣнившаго собою потерю въ графѣ Панинѣ. Россія рѣшила вѣковый вопросъ о татарскихъ царствахъ, чуждыхъ почвѣ Европейской.

Вѣкъ Екатерины вообще отличался людьми съ необыкновенными талантами. Румянцовъ, Потемкинъ, Суворовъ, составляли блистательный воинскій тріумвиратъ; Панинъ, Остерманъ и Безбородко тріумвиратъ дипломатическій.

[illegible] [illegible] печати Рашке

ГРАФЪ СУВОРОВЪ РЫМНИКСКІЙ

Ты-ль, Геркулесъ нашъ, новый полночный,
Буръ подобный, быстрый и мочный?

Державинъ.

Безбородко былъ украшеніемъ дипломатовъ царствованія Екатерины. Слава и польза отечества служили девизомъ его дѣйствій. Онъ былъ и дальновидный, тонкій, рѣшительный дипломатъ, и ученый человѣкъ, съ многосторонними свѣдѣніями въ отечественной статистикѣ и политической экономіи, искусно открывавшій новые рудники народнаго богатства и государственнаго кредита. Писанныя имъ инструкціи посланникамъ, офиціяльныя донесенія и манифесты почитаются образцовыми и по глубокимъ мыслямъ и по изящному слогу. «Въ толстомъ тѣлѣ говорилъ графъ Сегюръ, Безбородко скрывалъ умъ тончайшій! А. А. Безбородко, блистательно окончивъ курсъ наукъ въ кіевской Академіи, сначала опредѣлился въ военную службу въ одинъ изъ малороссійскихъ полковъ; воевалъ подъ знаменами Румянцова въ числѣ охотниковъ въ ларгскомъ и кагульскомъ сраженіяхъ; нерѣдко былъ

употребляемъ знаменитымъ полководцемъ для переговоровъ во время перемирія, а по заключеніи кучукъ-кайнарджійскаго мира прибылъ въ Петербургъ, сблизился съ Панинымъ, обратилъ на себя вниманіе Императрицы, и скоро бойкія способности 29 лѣтняго дипломата доставили ему званіе перваго кабинетнаго секретаря. Дружба съ Потемкинымъ еще болѣе возвысила Безбородка уже отличившагося прекращеніемъ раздоровъ въ Крыму (1779); потомъ составленіемъ записки: о ходѣ политическихъ дѣлъ. Безбородко облеченъ былъ званіемъ полномочнаго для *всѣхъ негоціацій*, произведенъ въ генералъ-маіоры, участвовалъ въ составленіи вооруженнаго нейтралитета, и сильно поддерживалъ *греческій проэктъ*.

Хотя по удаленіи графа Панина, графъ Остерманъ, меньшой сынъ зна-

менитаго Остермана, мужъ ума отличнаго, и занялъ его мѣсто, но Безбородко преимущественно завѣдывалъ внѣшними дѣлами. Началомъ его самостоятельной дѣятельности на дипломатическомъ поприщѣ, было присоединеніе Крыма. Краснорѣчивый манифестъ, возвѣщавшій Европѣ объ этомъ великомъ происшествіи написанъ Безбородкою, а Державинъ, пѣвецъ всѣхъ событій Екатеринина вѣка, воспѣлъ его слѣдующими стихами:

Летитъ—и воздухъ озаряетъ,
Какъ вешне утро тихій понтъ!
Летитъ,—и отъ его улыбки
Живая радость по лугамъ,
По рощамъ и полямъ ліется!
Златыя Петрополя башни
Блистаютъ, какъ свѣщи; и токъ
Шумливый, бурный, токъ Днѣпровскій
Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лице его.

Не слыша громоваго треска,
Не видя молніенной зари,

Пастухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ
Средь хижинъ воспѣваютъ миръ.
Отъ удовольствія сердечна
Струятся по ланитамъ слезы
У нѣжныхъ матерей и женъ:
Прижавъ онѣ къ грудямъ вѣрнѣйшимъ
Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
Въ восторгѣ вопрошаютъ: «Кто?»

«Который Богъ, который Ангелъ,
Который человѣковъ другъ,
Безкровнымъ увѣнчалъ васъ лавромъ,
Безъ брани вамъ трофеи далъ
И торжество?»—«Екатерина!
Та вѣнценосна добродѣтель,
То воплощенно божество,
Которое дождитъ блаженствы.»
Они вѣщали такъ любезнымъ,
Повѣся громы на стѣнѣ,

Увидѣлъ Марсъ, нахмурилъ брови,
Скрежещетъ и кричитъ, ярясь:
«Какъ! миръ?—и безъ меня побѣды?
Я васъ....»—Но, будучи сраженъ

Вдругъ съ сѣвера сіяньемъ кроткимъ,
Упалъ съ желѣзной колѣсницы;
Его паденье раздалося
Внутрь сердца Зависти, и трость,
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась.

Россія наложила руку
На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ,
И, распустя въ Босфорѣ флаги,
Стамбулу флотами грозитъ;
Не подвиги Готфридовъ храбрыхъ,
И не Крестовы древни рати;
Се мой теперь паритъ орелъ!
Магмедъ, отъ ужаса блѣднѣя,
Заноситъ изъ Европы ногу
И—возрастаетъ Константинъ?

Цирцея отъ досады воетъ;
Волшебство все ея ничто;
Ахеянъ, въ тварей превращенныхъ,
Минерва вновь творитъ людьми;
Осклабясь, Пиѳагоръ дивится,
Что мнѣніе его сбылось,
Что зритъ онъ преселенье душъ:

Гомеръ изъ стрекозы исходитъ,
И громогласнымъ сладкимъ пѣньемъ
Не баснь, но истину поетъ.

Какая незабвенна слава!
Какая звучная хвала!
Екатеринина держава
И мудрыя Ея дѣла
Кого и гдѣ не удивили?
Которые Цари достигли
Величества Ея добротъ?
На тронъ со кротостью вступила,
На Тронъ кротость воцарила,
Чудесъ источникъ и щедротъ!

Такъ совершилось давно желанная воля безсмертнаго Петра! Мощная Россія сокрушила послѣдній обломокъ царства чингизова, и включила его въ свои предѣлы не съ чувствомъ злобы, но съ чувствомъ сожалѣнія; она даровала поганымъ, какъ называли ихъ предки наши, залогъ спокойствія и блага! Не крови супостатовъ искала Россія, но лучшей имъ жизни подъ благодѣтель-

нымъ покровомъ, подъ который спѣшили и жители Закавказья, утомленные собственными неустройствами и тягостнымъ сосѣдствомъ Турціи и Персіи.

X.

Грузія, опоясанная цѣпями горъ кавказскихъ и Араратомъ, давно уже искала покровительства Россіи. Еще со временъ царя Іоанна IV Васильевича, грузинскіе цари просились въ подданство русскихъ государей, и давали имъ присягу на вѣрность. Царь Ираклій, въ первую турецкую войну, много содѣйствовалъ русскимъ войскамъ, и наконецъ въ 1783 году призналъ себя со всѣми своими наслѣдниками зависимымъ отъ Россіи, чтобы тѣмъ избавить Грузію отъ внутреннихъ мятежей, и отъ притѣсненій и деспотисма Турціи. Послѣдней онъ платилъ постыдную дань

до 1774 года, когда Императрица избавила его отъ оной. Ираклій испросилъ себѣ у Екатерины дозволеніе передавать престолъ наслѣдникамъ въ своемъ родѣ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ утверждаемъ въ царскомъ санѣ императорскою грамотою, чтобы ему давались всѣ знаки царской власти: знамя съ императорскимъ гербомъ, чтобы Грузія управлялась своими коренными законами, самодержавною мѣстною царскою властію, чтобы Россія охраняла ее отъ притѣсненія сосѣдей, подавала ей милосердую помощь и защиту.

Подданство Грузіи, а еще болѣе присоединеніе Крыма, было громовымъ ударомъ для Турціи, и сильно ее взволновало. Турки требовали войны. Самъ визирь ободрялъ къ этой войнѣ, вызывался лично вести армію на Крымъ, но патріотическая вспышка Турокъ скоро миновалась; туча неудовольствій про-

неслась. Съ одной стороны, грозная наша армія стояла подъ ружьемъ на южныхъ предѣлахъ; съ другой, императоръ Іосифъ II, увѣдомилъ Порту, что если она объявитъ войну Россіи, то онъ соединитъ свою армію съ россійскою. Султанъ незналъ на что рѣшиться; ему посовѣтывали вступить въ переговоры, о чемъ хлопотали и Англія и Франція. Екатерина отвергла всякіе переговоры, всякое постороннее вмѣшательство, и требовала отъ Турціи рѣшительнаго отвѣта: признаетъ ли она Крымъ за Россіею? Голоса въ Диванѣ снова раздѣлились; нѣкоторые требовали войны, но большая сохраненія міра. Послѣдніе восторжествовали: Султанъ отказался отъ всякихъ притязаній на Крымъ. Немедленно посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Я. И. Булгаковъ, заключилъ съ великимъ визиремъ конвенцію, въ силу которой третья статья кучукъ-кайнарджійскаго договора о независи- 28 Дек. 1783 г.

мости Крыма была признана недѣйствительною, и Кубань назначена границею между Россіею и Турціею.

Потемкинъ, по полученіи извѣстія о заключеніи сей конвенціи, писалъ къ Булгакову: «Вы приписываете это мнѣ «и тѣмъ увеличиваются еще болѣе за«слуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ, «обязана Россія и сами Турки: ваша «твердость, дѣятельность и умъ отвра«тили войну. Турки были бы побѣжде«ны, но Русская кровь также бы по«текла!» Такимъ образомъ совершилось дипломатическое присоединеніе Крыма; но расчетъ за него былъ еще не совсѣмъ оконченъ. Крымъ пересталъ быть независимымъ и раззоренъ какъ гнѣздо разбойниковъ, нѣкогда опасныхъ для Россіи.

Какимъ же представлялся въ эту минуту крымскій полуостровъ? Была ли

то страна, гдѣ «природа щедро на-
«граждаетъ трудолюбіе, и за каждое
«лону ея ввѣренное зерно даетъ бога-
«тый класъ земледѣльцу; гдѣ на тучныхъ
«паствахъ разсыпаются стада безчислен-
«ныя; гдѣ свирели и нѣжныя пѣсни
«веселыхъ пастырей, простота нравовъ,
«миролюбіе и общее добродушіе жите-
«лей напоминаютъ воображенію сча-
«стливые берега Ладона.» Или то бы-
ла «чудесная страна, которая предста-
«вляетъ взору и гранитныя горы Швей-
«царіи, и плодоносныя долины піемонт-
«скія; страна, гдѣ творческая натура
«съ нѣжными красотами соединила ве-
«личественныя; гдѣ въ одно время и зи-
«ма свирѣпствуетъ и весна улыбается;
«гдѣ мудрый наблюдатель природы на-
«ходитъ для себя разнообразныя богат-
«ства, и гдѣ чувствительное сердце, на-
«скучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться
«самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ (*).»

(*) Карамзинъ.

Нѣтъ, Крымъ представлялъ другое зрѣлище! Кровавые раздоры Татаръ истерзали древнюю Тавриду: жители тысячами гибли подъ мечами своихъ соотечетсвенниковъ, или отъ лютыхъ мурзъ бѣжали за Дунай, укрывались въ ущеліяхъ Кавказа, скитались по степямъ Хивы и Бухаріи; Армяне переселились въ Нахичеванъ; Греки ушли въ Нѣжинъ; города и села опустѣли; вездѣ видны были развалины; повсюду царствовала мертвая тишина; Крымъ служилъ только нѣмымъ памятникомъ давно былыхъ временъ. Екатерина воззвала древнюю Тавриду къ новой, лучшей жизни. Весь крымскій полуостровъ съ Новою Сербіею, съ прибрежьемъ черноморскимъ составилъ двѣ губерніи: таврическую и екатеринославскую, ввѣренныя управленію Потемкина. Теперь то могъ развернуться на столь обширномъ пространствѣ умъ Потемкина. «Но-«воприобрѣтенная Таврическая область,

«съ своими богатыми солончаками, съ
«благодатнымъ южнымъ берегомъ, съ
«великолѣпными гаванями Ахтіара и
«Кафы, поступила въ управленіе Свѣтлѣ-
«шаго. Море Черное послушно волно-
«валось у его ногъ. Одной рукой, опоя-
«сывая берега его крѣпостями, другою
«онъ отворялъ ихъ для торговли. Пор-
«ты херсонскій, севастопольскій и ѳео-
«досійкій, получили одинакія привилле-
«гіи съ петербургскимъ и архангель-
«скимъ. Въ 1784 году, въ Херсонѣ уже
«существовали три иностранныя купе-
«ческія конторы: французская, австрій-
«ская и польская. Для облегченія со-
«общеній съ внутреннею Россіею, Фа-
«лѣевъ пробивалъ днѣпровскіе пороги.
«Въ самомъ краѣ, промышленность и
«хозяйство не оставлялись безъ внима-
«нія всеобъемлющимъ геніемъ Потемки-
«на; напротивъ находили въ немъ и не-
«усыпное покровительство и просвѣщен-
ное руководство. Онъ самъ назначалъ,

«гдѣ посѣять лѣсъ, гдѣ развести садъ,
«тамъ вырытъ колодезь, здѣсь проло-
«жить дорогу; предписывалъ разрабо-
«тывать солончаки, улучшать скотовод-
«ство, распространять и совершенство-
«вать винодѣліе; самъ контрактовался съ
«Англичаниномъ Маффетомъ о заведеніи
«лѣсныхъ платанцій вокругъ Херсона,
«съ ростовскимъ мѣщаниномъ Максимо-
«вымъ о введеніи огородничества во
«всемъ новороссійскомъ краѣ; указы-
«валъ мѣста сажать каштаны и ита-
«ліянскіе тополи, турецкіе бобы и че-
«чевицу; собственными руками посадилъ
«на южномъ берегу Крыма первые ки-
«парисы, которые и теперь красуются
«въ Алупкѣ. Зная, что хозяйство не мо-
«жетъ итти безъ хозяевъ, онъ упраши-
«валъ петербургскихъ вельможъ и бо-
«гачей брать себѣ земли, которымъ они
«не знали цѣны. Такъ одной знакомой
«дамѣ онъ почти насильно, противъ во-
«ли ея, выпросилъ часть степи у Им-

«ператрицы. Эта дама расхохоталась
«презрительно, когда ей на другой годъ
«прислали 80 рублей доходу съ пожа-
«лованныхъ дачъ, и осердилась не на
«шутку, слыша, что ей надо еще не-
«премѣнно заселить эти пустоши въ
«теченіе десяти лѣтъ, подъ опасаніемъ
«въ противномъ случаѣ большаго штра-
«фа. Она не знала, какъ развязаться
«съ такимъ подаркомъ; свалила нако-
«нецъ гору съ плечь, отдавъ его зятю,
«въ добавокъ къ приданому дочери. Но
«черезъ нѣсколько лѣтъ признатель-
«ный зять извѣстилъ ее, что этотъ бро-
шенный уголъ даетъ ему 50,000 рублей
«дохода. Для извѣданія всѣхъ богатствъ
«природы, дотолѣ по своей дикости
«укрывавшейся отъ просвѣщеннаго лю-
«бопытства наблюдателей и знатоковъ,
«Свѣтлѣйшій поручалъ ученымъ есте-
«ствоиспытателямъ дѣлать обозрѣнія и
«описанія края; одинъ изъ такихъ уче-
«ныхъ былъ старинный его товарищъ,

«профессоръ Афонинъ. Наконецъ, чтобы всѣмъ своимъ усиліямъ обезпечить «успѣшное продолженіе въ будущности, «чтобы благоденствіе созидаемой имъ «страны утвердить на прочныхъ, не«зыблемыхъ основаніяхъ, Свѣтлѣйшій «не только не упустилъ изъ виду ум«ственнаго образованія, но ухватился «со всѣмъ жаромъ за это могуществен«ное средство, которымъ однимъ буду«щее поколѣніе могло приготовиться къ «достойному наслажденію плодами его «трудовъ, чрезъ ихъ дѣятельное про«долженіе и безконечное совершенство«ваніе. Уже существовали улицы въ Кре«менчугѣ, въ Новомосковскѣ (когда «этотъ городъ назначался быть Екатери«нославомъ), въ городахъ азовской губер«ніи. Но, въ 1784 году, явился указъ, «повелѣвающій быть въ новороссійскомъ «краѣ университету! Университетъ въ «татарской степи, тогда какъ во всей «россійской имперіи одна только Мо-

«сква, и то съ недавняго времени, на-
«слаждалась этой роскошью просвѣще-
«нія! Да! это стоило» восточнаго про-
жекта «съ тою только разностію, что
«мечта о новороссійскомъ университе-
«тѣ, хотя слишкомъ опередившая эпоху
«своей исполнимости, была плодомъ ге-
«ніяльнаго увлеченія къ истинному бла-
«гу человѣчества! И Свѣтлѣйшій при-
«ступилъ къ исполненію быстро, но не
«безразсудно. Еще не было города, въ
«которомъ назначалось существовать уни-
«верситету, (нынѣшняго Екатериносла-
«ва), а уже набраны были профессоры:
«Генно для исторіи, Левановъ для эко-
«номіи, Прокоповичъ для земледѣлія;
«знаменитый Сарти былъ наименованъ
«директоромъ академіи музыкальной и
«художествъ. Свѣтлѣйшій имѣлъ въ ви-
«ду наполнять будущій университетъ
«не однимъ туземнымъ юношествомъ,
«для приготовленія котораго въ тоже
«время повелѣно было учредить во всѣхъ

«городахъ края низшія училища; онъ «простиралъ свои намѣренія гораздо да-«лѣе: онъ писалъ, что университетскія» «науки и художества долженствуютъ «быть преподоваемы какъ для поддан-«ныхъ Россійскихъ, такъ и для сосѣд-«ственныхъ народовъ, наипаче же еди-«новѣрныхъ съ нами.» (*)

Само собою разумѣется, что исполинскія предпріятія Потемкина стоили государству сотни милліоновъ рублей, и не въ настоящемъ, а въ будущемъ должна была Россія ожидать огромныхъ выгодъ за огромныя издержки. Это послужило поводомъ къ невыгоднымъ отзывамъ о Потемкинѣ, и много нашлось порицателей всѣхъ его дѣйствій, много было самыхъ нелѣпыхъ толковъ и пересудовъ. Но Таврида, воззванная Екатериною къ новой жизни, пригла-

(*) Надеждинъ.

шала свою благодѣтельницу полюбоваться плодами трудовъ Потемкина, взглянуть на недавно безлюдную и мертвую степь. Въ началѣ 1787 года, Государыня предприняла великолѣпное путешествіе въ Крымъ, о которомъ долго говорили и писали въ Европѣ.

Путешествіе Императрицы на югъ Россіи.

Окруженная многочисленнымъ дворомъ, сопровождаемая представителями важнѣйшихъ государствъ Европы: посломъ Франціи, графомъ Сегюромъ, посломъ Великобританіи, Фиц-Гебертомъ, принцемъ де Линемъ, принцемъ Нассаускимъ, Екатерина съ блистательнымъ торжествомъ, достойнымъ Владычицы обширнѣйшей въ мірѣ державы, направила путь свой къ Кіеву. До 150 экипажей быстро катились за ея великолѣпною каретою, по гладкой, зимней дорогѣ; цѣлые табуны лошадей (до 600) были приготовляемы на каждой

станціи; для отдохновенія строили дворцы во многихъ городахъ, изъ которыхъ иные уцѣлѣли донынѣ; дороги въ лѣсахъ ночью освѣщались горящими кустарниками. Несмѣтныя толпы народа, пѣшаго и коннаго, стекались изъ отдаленныхъ и ближнихъ мѣстъ насладиться лицезрѣніемъ Государыни. Знатнѣйшіе сановники, духовные и гражданскіе, привѣтствовали державную путницу въ каждомъ городѣ рѣчами. Краснорѣчивѣйшее привѣтствіе было архіепископа могилевскаго, Георгія Конинскаго, говоренное имъ въ Мстиславлѣ.

«Пресвѣтлѣйшая Императрица!

«Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, милосердая Монар-

хиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ, тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Эвксинскаго, шествіе Твое, да тако ни единъ изъ подданыхъ Твоихъ укроется благодѣтельныя теплоты Твоея! Хотя же мы и покоимся Твоимъ безпокойствіемъ, и не не горькими хожденіями Твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона; однако, солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе Твое.

«Тецы убо, о Солнце наше! спѣшно: тецы исполинными стопами во всѣхъ Твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая къ небу, возопіемъ: стой, солнце, и не движись, дондеже вся, великимъ твоимъ намѣре-

ніямъ противная, торжественно побѣдиши!»

Весна привѣтствовала Екатерину въ колыбели ея державы, въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ. Отсюда Государыня отправилась далѣе. Днѣпръ покрытъ былъ живописною флотиліею великолѣпныхъ галеръ, берега его горѣли разноцвѣтными огнями, оглашались веселыми пѣснями поселянъ. Повсюду растянуты были густыми колоннами стройные полки, въ новыхъ мундирахъ, придуманныхъ Потемкинымъ, въ замѣнъ прусскихъ, весьма неудобныхъ; солдаты уже обрѣзали косы, стряхнули пудру, были одѣты просто, покойно и красиво. Прелесть южнаго климата, тучныя пастбища, вся роскошь весенней природы довершали очаровательность картины.

Въ Каневѣ, принадлежавшемъ тогда

Польшѣ, ожидалъ Императрицу три мѣсяца король польскій Станиславъ-Августъ, и изъяснивъ чувства глубокой признательности Той, которой былъ обязанъ короною и царствомъ, отправился обратно. Близь Кайдака, выѣхалъ на встрѣчу державной путницѣ, вѣнценосный графъ Фалькенштейнъ. Отсюда Іосифъ II сопровождалъ Императрицу въ дальнѣйшемъ путешествіи; былъ въ Херсонѣ, дивился здѣсь только что выстроенной крѣпости и адмиралтейству; съ изумленіемъ смотрѣлъ на черноморскій флотъ, пылавшій разноцвѣтными огнями въ новомъ севастопольскомъ портѣ, положилъ основный камень великолѣпнаго собора въ Екатеринославлѣ, задуманнаго по образцу и въ размѣрахъ римскаго, св. Петра.

Іосифъ на Перекопской Линіи не могъ скрыть своего изумленія, видя

себя, Императора Римскаго, странствующаго съ Императрицею Россійскою и послами Франціи и Англіи среди пустынь, за четыре года бывшихъ пристанищемъ дикой татарской орды, и справедливо сказалъ Сегюру, что «это весьма любопытная страница въ исторіи.» Императрица, возвратясь въ Петербургъ, достойно наградила ревнителя своей славы и могущества, повелѣвъ Правительствующему Сенату изготовить похвальную грамату, съ означеніемъ подвиговъ генералъ-фельдмаршала князя Потемкина: «въ присоединеніи Тавриды къ Имперіи Россійской, въ успѣшномъ заведеніи хозяйственной части и населеніи губерніи Екатеринославской, въ строеніи городовъ, и въ умноженіи морскихъ силъ на Черномъ морѣ.» Съ тѣмъ вмѣстѣ дано Потемкину прозваніе Таврическаго.

Это путешествіе заключило собою пер-

вый періодъ царствованія Екатерины, періодъ славы, когда Россія видѣла, какъ трепещетъ ея могущества кичливая Турція, съ какимъ страхомъ смотрятъ на нее Англія и Пруссія, и съ какимъ рвеніемъ ищетъ ея дружбы Австрія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

находившійся въ незавидномъ состояніи послѣ Петра, возникъ такъ быстро, что прославилъ себя историческими подвигами.

—

Въ то самое время, когда скончалась Екатерина, Европа болѣе и болѣе была увлекаема неодолимымъ вихремъ страшной французской революціи. Прозорливая Государыня предвидѣла, что разрушительное пламя революціи коснется предѣловъ Россіи, и уже принимала мѣры къ удержанію бурнаго потока. Но въ книгѣ неисповѣдимыхъ судебъ, совершеніе славнаго подвига назначено было незабвенному Внуку Екатерины, Александру, великодушному возстановителю попранныхъ правъ человѣчества.

Конецъ.

